

18+

Дан Адхип

Часть 2

Джай Форс
и
коридор жизней

Дан Адхип
Джай Форс и коридор
жизней. Часть 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63176842

ISBN 9785005159311

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Студент Джай и его друзья делают случайное открытие: оказывается, тело человека – это сложная структура порталов в иные измерения. Рассказать об этом нельзя – никто не поверит. Остаётся только погружаться в исследования, чтобы собирать доказательства. Новые знания переворачивают представление о привычном мире и втягивают Джайя в опасное приключение. На кону – жизнь и свобода.

Содержание

Глава 24. Три пары на передышку	5
Глава 25. В гостях у Евы	22
Глава 26. Трое в поезде	51
Глава 27. Почему так хочется перемен	76
Глава 28. Неожиданные заявления	95
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Джай Форс и коридор жизней Часть 2

Дан Адхип

Редактор и корректор Ольга Шепитько

Иллюстрация на обложке Татьяна Савитраш

© Дан Адхип, 2025

ISBN 978-5-0051-5931-1 (т. 2)

ISBN 978-5-0051-5929-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 24. Три пары на передышку

Я открыл глаза и увидел потолок: белый, прямоугольный и всего три метра от пола. Окно я вчера не зашторил, поэтому комнату заливало утреннее солнце.

Ах, как романтично возвращаться домой после дальнего путешествия! Всё кажется уже не таким привычным и знакомым, каким было до отъезда, а перед глазами ещё проплывают картины Долин, городов внутри гор и всех тех, с кем свела меня дорога.

Я только сейчас заметил, насколько незнакомым был мир Соба: чужой язык, чужая культура, чужие основы морали. Но я оказался в его теле и мгновенно принял весь прожитый опыт, поэтому воспринимал всё вокруг как само собой разумеющееся.

Пятиминутная адаптация – и можно вставать.

Первичной задачей стало записать всё, что я увидел во сне. Время позволяло: до лекций ещё несколько часов. Управился минут за сорок: клепал предложения как попало, не заморачиваясь на пунктуации и связности текста, зато не пропустил ни одного факта.

Все названия необычных предметов пришлось придумать по аналогии. Я, конечно же, не помнил, как там называли летающие штуки, на одной из которых Соб добирался до Гариграда, но они сильно походили на современные

дельтапланы. И так в каждом понятии: вырубленная внутри скалы обустроенная пещера для жизни – «дом», устройство, которое передаёт сообщения по принципу азбуки Морзе, – «радиопередатчик». Подбирать определения чужим понятиям и предметам оказалось очень легко. Киношная идея универсального переводчика для всех языков Вселенной теперь представлялась мне не такой уж и нелепой.

Единственное, о чём я немного сожалел, так это о том, что не узнал, как Зир манипулировал сознанием гарисуров и кирисуров, чтобы отправить их в поход на Дэриград. Ведь информационная зараза, затуманивающая восприятие, должна была за что-то зацепиться, чтобы незаметно перерасти в безумие. Какую нужно провернуть аферу, чтобы за два года полностью изменить отношение людей к своим соседям? И тут мне на глаза попался мой смартфон.

Первая мысль: «О! Я же не проверял его со вчерашнего дня». Вторая: «О! Вот с чего начинается манипуляция сознанием!»

Схема простая.

Шаг раз: выявляешь первичную потребность человека.

Шаг два: подсовываешь нужный *тебе* способ решения потребности.

Шаг три: с помощью этого способа создаёшь в человеке новую потребность.

Шаг четыре: замыкаешь круг.

Добро пожаловать в потребительское колесо! Хомячок те-

перь приручен, и ему можно скармливать любые товары, взгляды и доктрины. Как кстати, что сегодня в универе первой парой будет наука по приручению хомячков – лекция по маркетингу. С новым восприятием идти на неё гораздо интереснее.

Я рассмеялся своим мыслям и тут же представил, как этот смех выглядит со стороны: сидит парень один в квартире, думает про манипуляцию сознанием в мировых масштабах и хохочет – прямо Доктор Зло в одних трусах! От этого я засмеялся ещё сильнее, и выглядеть это стало ещё более зловеще.

Чтобы прервать прогрессию хохота, я включил смартфон и полез изучать пропущенные сообщения и звонки.

Роберт ещё вчера утром написал, что забыл щётку и пасту и что их можно выкинуть: он купил новые. Как он всё-таки предусмотрительно поехал на встречу в отель сразу с чемоданом! Наверно, предполагал, что больше сюда не вернётся, а это значит, что, скорее всего, с Матильдой он уже давно вёл неделовую переписку. Только сейчас я сложил кусочки пазла: когда мы звонили ребятам и приглашали их на позавчерашнюю встречу, Роберт сразу сказал, что сам свяжется с Матильдой.

В ответном сообщении я написал Роберту, что сохраню его щётку, чтобы потом продать за большие деньги, когда он станет знаменитым.

Следующее сообщение от Хуана: спрашивает, где я и пой-

ду ли гулять по городу. Тоже вчерашнее утреннее. Такой же вопрос пришёл чуть позже от Тома. Ответил им, мол, простите, пацаны, вчера был не в доступе и освободился только к ночи.

Петер днём написал, что вечером улетает и хотел бы попрощаться. Тоже не судьба, хотя я бы с удовольствием его проводил: было что-то притягательное в этом простом парне. Я вдруг вспомнил, *как* он общался, и в памяти всплыла картина выжженного мира, в который я попал перед прыжком в Дэриград. От воспоминания подкатил жар к промежности и бёдрам, и на уровне паха раскрутился энергетический шар.

Стало ясно: там, где мне надо пыжиться, чтобы развернуть землю и добраться до энергии, Петер вообще не напрягается – эти энергии у него проявлены так сильно, что бьют неиссякаемым ключом. Вот наглядный пример того, почему в группе мы запустили процессы, недоступные в одиночку.

Подсобрав брутальности, написал Петеру:

«Мужик, прости: весь день был без телефона, только сейчас получил твоё сообщение. Когда приедешь в следующий раз, обязательно тебя провожу! Рад был познакомиться!»

Перед отправкой проверил, достаточно ли грубо написано, чтобы я не показался нюней. Вроде нормально – отправил.

Надеялся увидеть сообщение от Лиэн – увы, ничего. Мне было интересно, что у неё на душе после вчерашнего ухода,

но писать я ей не стал: лучше оставить её в покое, чтобы она проявила себя самостоятельно. Любой вопрос «как дела?» во время внутренней борьбы с собой только выводит из равновесия.

Других важных сообщений не было.

С чувством облегчения я стал собираться в университет и меньше чем за час успел помыться, поесть, одеться и выйти на улицу.

Пока я спускался по лестнице, пришло сообщение от Тома: «Всё в порядке, мы здорово погуляли. Отличная была идея встретиться. Давайте повторим!» Я порадовался за ребят, но отвечать не стал: добавить нечего.

На пары я шёл к одиннадцати тридцати. Для деловой части города это почти что обед, а на моей улице возле парка день только набирал обороты: молодые мамы катали коляски, старушки обсуждали новости шоу-бизнеса, подростки прогуливали уроки – все, кого я встречал, были веселы и полны жизни. Люди излучали гармонию, и я улыбался этой утренней идиллии.

Меня совершенно не мучила перспектива трёх пар: после того, как в гиперпутешествии пожил чужой жизнью, я будто бы перезарядил свою. Мне стали интересны мелочи, словно я продолжаю приключение и хочу изучить атмосферу места, в которое попал.

Всю дорогу я ненавязчиво наблюдал за энергетическим шаром в районе промежности. Ощущения тепла и вибрации

распространялись от паховых мышц вниз к стопам и вверх до шеи, отчего каждый шаг становился увереннее и легче. Когда я добрался до университета, то уже сомневался, высижу ли я с таким подъёмом лекцию по маркетингу, но она оказалась любопытной, поэтому пролетела незаметно.

В меню лекции была тема маркетинговых исследований – это когда одни люди пробуют разные манипуляции сознанием других людей и изучают их реакции. Весьма познавательно!

Несколько дней назад я решил выступить на студенческой конференции по маркетингу, чтобы разбомбить в пух и прах безнравственность основных принципов продвижения товаров, а во время сегодняшнего семинара понял, что таким методом глупо бороться с системой. Это драматично и эмоционально, но что оно мне даст на выходе? Я понимаю борцов, которые пробуют расшатать гнилые социальные устои, чтобы найти лазейку к истине, но я-то её уже нашёл. Если уж расшатывать, то какую-то другую часть мира. Да и кому я буду открывать глаза? В конце концов, у людей есть выбор: вестись на манипуляции или нет. Большинству не хочется думать, вот оно и выбирает безоговорочно вестись.

Я слушал преподавателя и восхищался, с какой скрупулёзностью люди прорабатывали теории потребительского спроса. Для маркетолога общество состоит не из людей, а из рынков с разными запросами: личностей нет, уникальных потребностей тоже.

А что если прогресс происходит благодаря тому, что люди подсознательно не хотят быть частями существующих рынков? Ты хочешь большего не потому, что тебе действительно нужно, а потому, что так ты планируешь выбраться за пределы социальной группы, в которую тебя отнесли другие.

В какое же прекрасное время я живу! Правила игр ни от кого не скрываются! Бери учебники по маркетингу, продажам, рекламе, управлению персоналом, политологии, обществознанию – везде расписано, как запихнуть мышление человека в коробку стереотипов. Когда ещё такое было в истории Homo Sapiens?

Преподаватель задавал аудитории вопросы, и я охотно проявлял инициативу, отвечая на большинство. Говорил так бодро и складно, что сам себя удивлял: знания по теме прилетали извне и сами формировались в стройные предложения, а я только открывал рот и произносил слова. Заработал за активность «отлично» – проще простого!

В конце лекции я призадумался: почему я говорил так развёрнуто и по делу? Разве я учил заранее правила этой игры? Нет. Может, я смотрел видос про маркетинговые исследования и хорошо запомнил объяснения? Ещё чего! Пока я искал источник откровения, то вдруг заметил, как моё внимание смещается назад и вверх, и оттуда я смотрю на себя, сидящего в аудитории среди других студентов.

Сознание отдалялось, и я увидел себя посреди университета. Затем – посреди города, страны, планеты. Разгон нарас-

тал, и я уже представлял Солнечную систему, рукав Ориона, галактику Млечный Путь. А сколько таких галактик во Вселенной? При этом все они – лишь *одно* измерение реальности.

Теперь, дополнительно к этой бесконечности, я научился ходить в другие измерения, как к себе домой. И в каждом из них совершенно иные правила игры. А что если у меня получится разобраться в правилах *создания* всех остальных правил? Может, поэтому мне так легко дался ответ: я на мгновения видел суть всего, что окружает понятие маркетинга?

От мыслей о собственном всемогуществе спасло то, что лекция закончилась и наступила большая перемена. Лёгкий завтрак, который я наспех заглотил утром, напомнил, что был лёгким, и я пошёл в столовую на полноценный обед.

Придя на следующую лекцию, я сразу отсел на задние ряды: эта пара была для всего потока, а значит, придёт Карина, и будет не до учёбы. Но к началу лекции Карина не появилась, и я отправил ей сообщение: «Привет. Придёшь на микро?» Не удержался и в конце вlepил смайлик с сердечками.

Первые несколько минут я ждал ответа, как на иголках, но потом увидел, что сообщение ещё не прочитано, и решил не изводить себя ожиданием: напишет, когда напишет.

Я переключился на то, что говорил профессор, и незаметно увлёкся: он рассказывал о бизнес-процессах на примере реальной обанкротившейся корпорации. Мы будто препарир-

ровали труп компании, извлекая её органы и рассматривая патологии, которые привели к смерти. Структуры, пожирающие сознание людей, тоже небезупречны: они так же болеют, слабеют и умирают. Вот почему предусмотрительные компании тщательно работают над преданностью своих сотрудников: здоровые органы обеспечивают долгую жизнь их владельцу.

Ещё пару месяцев назад я представлял, как окончу университет и стану таким органом в какой-нибудь крупной фирме. Ситуация поменялась, и теперь мне хотелось остаться целостной личностью, а не сливаться в единый не принадлежащий мне организм. А кем тогда быть и где работать?

Слишком лихой вопрос для лекции по микроэкономике: думая о нём, я прослушал и не записал несколько фраз, которые диктовал профессор. Пришлось тянуться и глядеть в тетрадку соседа, чтобы наверстать упущенное. Подробный конспект мне был нужен в первую очередь для того, чтобы сделать приятное Карине. В моём воображении это выглядело очень романтично: Карина пропускает пару и переживает, где взять конспект, и тут появляюсь я, её спаситель, с самыми подробными записями лекции, она тает и кидается мне на шею. Как будет в действительности, уже неважно: фантазия захлёстывала, и я строчил конспект, как одержимый.

Как только закончилась лекция, я сразу позвонил Карине, но трубку никто не взял. Ситуация не нова: я и сам сутки ходил без телефона и только радовался этому, будто сбросил

ненужный груз.

Следующая лекция по расписанию была в той же аудитории и тоже для всего потока. Я уже смирился с тем, что Карины на ней не будет, потому что народная примета гласит: если ты не пришёл на первую послеобеденную пару, значит, сегодня ты забьёшь на все остальные.

Лекцию вёл профессор Влакимац – прирождённый шоумен, которого нелёгкая занесла в коммунистическую партию и теоретическую физику. Предмет, который вёл Влакимац, большинство студентов считали бесполезным: ну кому будет дело до «Концепции современного естествознания» на факультете маркетинга и инновационного менеджмента? Тем не менее, на лекциях профессора всегда был аншлаг – исключительно из-за его личной харизмы.

Влакимац мастерски держал аудиторию в полной тишине. При этом раз в несколько минут он отпускал остроумную шутку, и на несколько секунд зал взрывался смехом. Затем снова тишина, и снова хохот. Студенты наслаждались этим контрастом, но все ждали главного события лекции: ответов на *любые* вопросы. Это было супероружие Влакимаца в борьбе за посещаемость: в последние пятнадцать минут каждой лекции он отвечал на записки, которые студенты передавали на первую парту в течение занятия. Записки анонимные, спросить можно было всё что угодно, и студенты интересовались исключительно чем-то провокационным из жизни профессора, а не наукой. Влакимац отвечал дерзко

и без купюр, и мы всегда его слушали с восторгом.

Больше всего меня восхищало во Влакимаце то, насколько он был независим от системы, в которой преподавал. В научном сообществе он слыл ренегатом: его собственная концепция физического устройства мира опровергала теорию относительности Эйнштейна. Я не очень силён в ядерной физике и не особо разобрался, насколько обоснованы расчёты Влакимаца, но моё почтение к нему безгранично: нужно быть сильным духом, чтобы десятилетиями сражаться с консервативным научным сообществом и отстаивать собственную правоту, при этом сохраняя уважение в глазах других учёных. Этот бунтарский дух манил к себе студентов, и мы очень уважали Влакимаца, даже если не соглашались с его суждениями. Впрочем, его главный посыл был очень простым: не надо возводить современную физику в культ – в ней столько пробелов, что нужно пересматривать основы и делать новый рывок в исследованиях. После знакомства с гиперпрыжками такой подход к теориям мироздания мне казался единственно правильным.

Лекция закончилась под дружный хохот над ответом на последнюю записку. Радуюсь, что три сегодняшние пары пролетели, как одна, я собрал вещи и пошёл на выход.

Оказавшись в холле, я хотел достать телефон и снова позвонить Карине, как вдруг услышал:

– Джай! – окликнул женский голос.

Я обернулся.

Через толпу студентов ко мне пробиравалась девушка – староста параллельной группы. Она помахала рукой, жестом прося, чтобы я не спешил уходить. Я не помнил, как её зовут: мы пересекались только на общих лекциях, поэтому даже не здоровались.

– Привет, Джай, – сказала она.

– Привет, Джай, – повторила её подруга, которую я сначала не заметил среди потока студентов.

– Привет, – сказал я, выдав интонацией непонимание, что им от меня нужно.

Та, что меня окликнула, сразу перешла к делу – наверно, думала, что я знаю, как её зовут.

– Я вчера увидела объявление: ты приглашаешь поучаствовать в международном исследовании уникальной книги. Зашла на сайт проекта, а там у вас жизнь кипит! Можно присоединиться?

Я не сразу сообразил, о каком объявлении идёт речь.

– Объявление? – переспросил я.

– На межвузовском портале. Ещё актуально?

Вспомнил: два месяца назад я выкладывал приглашение в наш проект на сайт, куда частенько заходят студенты трёх дружественных университетов, и за всё время никто не поинтересовался подробностями. Лишь стоило пару дней попрыгать по мирам, как реальность сразу отозвалась.

– А! Было дело, – воскликнул я. – Да, актуально. У нас уже есть кое-какой прогресс.

– Расскажешь подробнее? Что от нас нужно, чтобы вступить?

Мы отошли к большому панорамному окну холла, чтобы не стоять на проходе.

– Ну, «вступать» никуда не надо, – улыбнулся я. – У нас же не масонская ложа. Давайте для начала просто познакомимся.

Девушки тоже заулыбались:

– Я Саша, – сказала та, что меня позвала.

– Я Мила, – сказала её подруга.

Саша была небольшого роста. По сравнению с ней Мила казалась очень высокой, поэтому, возможно, немного сутулилась, подсознательно желая быть менее приметной.

– Очень приятно, – ответил я. – Я могу скинуть вам ссылки с доступом на ближайшую видеоконференцию. Только вы должны понимать кое-что важное про эти исследования.

Я сделал паузу, чтобы полностью завладеть вниманием девушек. В свете последних событий, которые объяснял Самуил, я решил, что новые участники должны представлять, чем будут заниматься. Ради их же безопасности.

Девушки кивнули, обозначив готовность запоминать.

– Мы позавчера собирались здесь у нас в городе на очные исследования. Ребята приехали из разных стран, и это было круто. На сайте проекта об этом эксперименте ещё не написано, и вряд ли мы выложим отчёт в открытый доступ.

Глаза моих собеседниц загорелись: реальная международ-

ная встреча – это всегда звучит впечатляюще. Они одновременно задали разные вопросы и засмеялись от такой синхронности:

– Много людей приехало? – спросила Саша.

– А о чём эксперимент? – спросила Мила.

Два вопроса: один о форме, другой о содержании. Мне сразу стало ясно, кому что интересно от проекта, и я больше переключился на Милу, чем на Сашу.

– Отвечу по порядку, – усмехнулся я. – Нас было немного, всего девять человек, из них шестеро из-за рубежа. А суть эксперимента в том, что мы переносили внимание на разные части тела и начинали по-другому воспринимать окружающий мир.

Я говорил аккуратно, чтобы и суть донести, и чокнутым не показаться. Получалось не очень, потому что Сашин взгляд изменился на скептический. А вот от того, как слушала Мила, чувствовалась отдача: она впитывала каждое слово и ждала, что я скажу ещё.

– Книга, про которую я рассказывал в объявлении, – продолжал я, – оказалось только вершиной айсберга. Мы догадались, что это своего рода путеводитель по глубинам человеческого сознания. Теперь по таким глубинам начали ходить и мы: ещё пока ничего не понятно, но очень интересно.

Я сильно упрощал, потому что хотелось рассказать так, чтобы попасть сразу в трёх зайцев: прорекламирровать, предупредить и отпугнуть. Последнее тоже важно: гиперпрыж-

ки неразрывно связаны с обычной жизнью, и будущие эксперименты обязательно поменяют отношение человека к повседневности. Так что лучше, если все, кто не готов серьёзно воспринимать исследования, сразу испугаются и отойдут в сторону.

– Ну, а ещё, – добавил я уже более ненавязчиво, – мы со-званиваемся рано утром, чтобы людям из разных часовых поясов было удобно. Если вас не смущают ранние подъёмы, приходите завтра послушать, о чём мы будем говорить. Решите, что мы занимаемся глупостями, – я пойму.

Мила как-то по-особенному улыбнулась: в её глазах я видел необъяснимое тепло. Странно, ведь мы никогда раньше не разговаривали. А Саша просто радовалась любой активности: она даже старостой группы стала, лишь бы вовлекаться в общественную деятельность.

– Я приду, – Мила в этот раз ответила быстрее.

– Я тоже, – поддержала Саша с меньшим энтузиазмом, но с ещё теплящимся любопытством.

Мы обменялись телефонами и электронными адресами, я сразу выслал все явки-пароли и предупредил девушек, что с первого раза на конференции многое будет непонятно.

– Если нам понравится, с тобой же можно потом будет встретиться, чтобы ты всё объяснил? – уточнила Мила.

– Конечно! – ответил я. – Иначе зачем бы я выкладывал объявление?

Мы посмеялись, попрощались и разошлись, и только я до-

стал телефон, чтобы позвонить-таки Карине, как на экране высветилось её имя – входящий звонок. Я тут же его принял со словом «Привет!» и первым, что услышал, было:

– Ой! Привет! Не ожидала, что ты так быстро ответишь.

– Это потому, что я только и делаю, что неотрывно смотрю на телефон в ожидании твоего звонка.

На пару секунд Карина зависла, а потом поняла, что я шу-чу, и захихикала:

– Ясно. Как лекции?

– Влакимац жёг, как обычно. На микре тоже было интересно. Я всё записал, могу дать конспект.

Вот дуралей! Взял и сразу вывалил свой тайный замысел. И кто только за язык тянул?

– О! Как щедро с твоей стороны! – кокетливо сказала Карина. – Буду признательна. А то я у Евы застряла – не до лекций было. Мы вдвоём попробовали поделатъ то же самое, что делали в отеле Самуила: это просто космос!

Меня чуть не снесло воодушевлением, которое дуло из трубки. Оно врывалось мне в ухо, пронеслось через мозг, вычищая пустопорожние размышления, и вылетало из другого уха, даря мне чувство радости и свободы.

– Приедешь к нам сейчас? – добавила она.

Автоответ:

– Да!

Мне было всё равно, зачем. В таком состоянии логика не включается: только действия и ощущение счастья.

– Супер! – воскликнула Карина. – Тогда передаю трубку Еве, она расскажет, как доехать.

Я ещё не знал, куда бежать, но сразу ускорил шаг.

Ева подробно объяснила путь. Прогулка до остановки, поездка на паре автобусов с пересадкой – и через пятьдесят минут я позвонил к ней в дверь.

Глава 25. В гостях у Евы

Открыла Карина. Ничего не говоря и улыбаясь, она втянула меня за руку в прихожую, после чего крепко обняла, захлопнув входную дверь ногой. Не зря ехал.

– Такое чувство, что и не прощались, – произнесла она, старясь поглубже зарыться в мои объятия.

Я вспомнил Кир-Ри и момент сражения, в котором она лежала беззащитной в секунде от смерти. Промелькнул страх, и сердце мгновенно отреагировало, запустив в противовес бурное истекание любовью.

Следом включилась гиперкапсула: она налилась огнём из сердца и через пять секунд сама стала излучать нежное свечение в радиусе трёх метров. Стены для такого излучения не помеха.

– А мы и не прощались, – сказал я. – Я ночью тебя видел. Мы разомкнули объятия. Пока Карина ждала пояснений, я разулся.

– Я видел тебя во сне, – небрежно произнёс я. – В одном полотенце.

Я постучал ребром ладони немного выше середины бедра: – Вот досюда оно было. А потом вообще слетело.

Если подумать, то ещё несколько дней назад мы с Кариной даже не были особо знакомы, а теперь я тоннами метал шуточки на границе с пошлостью. Как будто при первом поце-

дуе сорвало предохранитель, и все нефильТРованные мысли стали сразу попадать на язык.

Сейчас я наблюдал, как работают сексуальные наёмки на уровне энергетики: примерно из области промежности, которая у меня разгорелась в ночном гиперпрыжке, потянулась жадная невидимая рука. Она прогладила Карину с ног до головы и остановилась внизу её живота. Я видел, что у Карины есть выбор: мгновенно отсечь невидимую руку острым словом или принять её как часть себя. К счастью, она выбрала второе:

– Что-то не в моём стиле, – засомневалась она. – Я вообще не оборачиваюсь полотенцем, когда выхожу из душа.

Карина умудрилась это сказать так, что я *почувствовал*, как она выходит из душа и как не даёт одеждам сковать её кожу. Не хватало только визуального ряда, тогда бы момент стал лучшим киносеансом в моей жизни. Но в следующий миг я вспомнил, как обнажённая Кир-Ри лежала на полу в беспомытстве, и сразу стало не до романтики: хотелось её защитить любым способом, и от этого жгучего желания края моей гиперкапсулы начали уплотняться, превращаясь из белёсых в насыщенные золотые.

Я сделал шаг к Карине и снова её обнял. Золотой шар выстроился крепким щитом вокруг нас.

– Как красиво! – сказала она, и я понял, что она тоже видит эти энергии.

Стоять бы нам так вечность, да Ева не дала:

– Вы чем там занимаетесь у меня в прихожей? – крикнула она из комнаты. – Ну-ка идите сюда, чтобы я вас видела. Нашли тут дом свиданий!

Мы оба прыснули смехом и пошли на голос через широкий коридор.

Квартира Евы оказалась не столько жилым помещением, сколько выставкой интерьерного дизайна: сочетания красок, материалов и предметов сперва выглядели непривычно, но через несколько шагов начинали поражать взвешенностью и гармонией. Я не считал себя знатоком, но здесь не требовалось быть профессионалом, чтобы восхититься вкусом автора.

Всё вокруг заявляло: «Ты пришёл в самое стильное место на свете!» И я хотел этому верить, хоть мозг и подсказывал, что не может такого быть.

– Она сама всё это делала? – шёпотом спросил я.

– Да! – так же шёпотом воскликнула Карина, гордясь подругой. – Здорово, правда?

Когда Карина в саду у Самуила сказала, что Ева занимается дизайном, я представил мощёные садовые дорожки, стриженные кустики и аккуратные клумбы, но уж никак не эту выверенную красоту, по которой сейчас шёл.

Самым примечательным в интерьере квартиры был дух свободы. Возможно, по уюту и душевности здесь «на четверочку», но кому нужна атмосфера плюшевости? Бабусям, которым уже всё поздно? Здесь всё было пропитано стрем-

лением жить и действовать, и я от этого кайфовал.

Я вспомнил дом Самуила и сравнил, насколько у Евы было по-другому: там космос, затягивающий в многомерную бесконечность, – тут Земля, толкающая к свершениям в физическом мире.

– Ева, привет, – поздоровался я, когда мы вошли в гостиную и увидели сидящую в кресле хозяйку. – Слушай, а где у тебя можно штаны посушить? Я не сдержался от восторга – настолько у тебя шикарный дизайн!

Откуда такой юмор? Удивительная закономерность: вижу Еву – переключаю режим шуток на «пожётче».

– Вы точно друг друга нашли, – показала она на нас пальцем. – Карина мне тоже всё время твердит про магию дизайна, которую я здесь сотворила. А я даже не пойму, что тут особенного. Вы же не в пещерах живёте, чтобы удивляться ухоженной квартире.

– Она у меня скромница, – развела Карина руками, и мы втроём засмеялись.

Я не пропустил слова Евы о том, что мы с Кариной нашли друг друга. Может, это и звучало как шутка, но за шуткой всегда просвечивается правда. Забавно то, что мы друг друга даже не искали! И какого-то особого выбора тоже не делали: мы просто *попали* в мир, где между нами есть очевидная связь. Разве что для этого надо было подучиться слышать себя и чувствовать энергии, но теперь это умение казалось естественным и жизненно необходимым.

Ева старалась привлечь к себе внимание, особенно когда говорила, что не понимает причин нашего восторга. Меня было не обмануть: я чувствовал на уровне энергетики, как она кричит: «Ну, давайте! Хвалите меня! Хвалите!» Я увидел три наши гиперкапсулы в мета-мире, и от Евиной шли две огромные трубы, ждущие эмоции восторга от меня и Карины.

– Ну, нет, всё ты понимаешь, – сказал я. – Я даже *чувствую*, как ты понимаешь, что мы понимаем, что ты понимаешь. Так что давай разорвём этот круг: я готов преклонить колено перед твоей дизайнерской крутостью, но чур ты не будешь строить из себя скромницу.

По мета-миру прокатилась взрывная волна: даже прохожие из других измерений встрепенулись. Евина гиперкапсула спрятала трубы и выкатила пушки. Похоже, начнётся пальба. Хорошо, что мои щиты были подняты.

Пара секунд невербальных переговоров – и пушки превратились в мягкие тягучие щупальца, с интересом потянувшиеся ко мне.

В этот момент Ева на мгновение посмотрела на Карину, и в этом взгляде я прочитал одобрение: «А он неплох! Всё чувствует!» В мета-мире тот же самый комплимент шёл от Евы напрямую мне, игнорируя присутствие Карины. От этого стало не по себе, и я встрепенулся, выпустив мета-мир из зоны восприятия.

– Ладно, – согласилась Ева. – Я знаю, что у меня классно.

Хотела набить себе цену.

По едва заметной реакции Карины я понял, что она удивилась признанию подруги. Евина искренность срезонировала в моём теле сразу в двух местах: приятным теплом в груди и ожившим объёмом в животе на уровне пупка.

– О, как я это понимаю! – закивал я, выкручивая ручку открытости на максимум.

Я без приглашения сел на диван напротив Евы и продолжил:

– У меня та же песня: всё время хочется, чтобы меня больше ценили. Вот ты сейчас сказала об этом, и я почувствовал, как сильно твоё признание отозвалось в груди и вот здесь, – я приложил ладонь к животу на пару пальцев ниже пупка.

Ева бросила взгляд на Карину:

– Ты что-то уже рассказывала? – подозрительно спросила она.

– Нет, – удивлённо ответила Карина. – Но я же говорила, Джай не зря там главный.

– О чём речь? – вклинился я в их переглядывания. – Где я главный?

– В вашем проекте, – сказала Карина.

Она села в кресло напротив Евы и меня так, что мы образовали равносторонний треугольник.

– Там Роберт главный, – отнекивался я.

– Он главный в чём-то другом, – загадочно поводила рукой Карина. – Не в том, что хочешь донести до людей ты.

Я не понял.

– Не могу этого объяснить, – она развела руками, видя моё удивление. – Считай, что вы как два директора, которые отвечают за разные направления. И твоё направление мне ближе.

– Ладно, – пожал я плечами, так до конца и не поняв, что она имела в виду.

– Но это всё ерунда, – Карина заговорила быстрее, переводя тему на главное. – Ты же хочешь узнать, зачем мы тебя позвали?

Я радостно закивал, и она продолжила:

– Тогда слушай. Вчера вечером после того, как мы с тобой созвонились, у меня... появились необычные ощущения. Я стала за ними наблюдать, пока собиралась спать, и заметила кое-что интересное.

– Мне эту историю ты рассказывала не так, – прищурив глаза и хитро ухмыляясь, прокомментировала Ева.

Карина на миг смутилась, но не ступевалась:

– Я тоже набиваю себе цену и хочу выглядеть идеальной, пока Джай сам не узнает правду. Но будет уже поздно!

Последнюю фразу она сказала хриплым голосом и затем залилась дьявольским хохотом.

Кажется, мы все вели себя немного странно, и было в этом что-то особенно душевное!

– Какую правду? Порочную? – спросил я, смеясь вместе с Кариной.

– Ах, если бы! – закатила она глаза. – Хотя порочной я стала вчера ночью, когда ты уже, наверно, спал.

Она поймала моё внимание в капкан, и я больше не мог продолжать шутить: вопрос, застывший в моих глазах, наконец отключил остроумие.

Глядя на мою реакцию, девушки засмеялись ещё сильнее.

– Сейчас поймёшь, как я стала порочной, – поспешила успокоить Карина. – В общем, прислушивалась я к себе и незаметно погрузилась в состояние, которые ты называешь мета-миром, – такое пространство, где я и комнату видела, и всякие полосы, волны, и шар энергии – свою гиперкапсулу.

Прозвучало с настройками на процесс – я сразу ощутил границы собственной энергетической структуры.

– Мощно, – закивал я под впечатлением.

– Да, – согласилась Карина. – Глюки те ещё, но завораживают. Только это самое начало. Я так прониклась процессом, что умудрилась погрузиться глубже и нашла в себе очень странное место, которое прям гудело от энергии.

Внизу живота что-то неловко булькнуло, отзываясь на рассказ.

– Мне хотелось с кем-то поделиться, – продолжала Карина. – Я подумала, что ты уже спишь, и позвонила Еве.

– Ну конечно! – подхватила Ева. – Парня нужно беречь, а подруге позвонить полпервого ночи – это в порядке вещей!

– Ты пожалела, что я позвонила? – парировала Карина.

Ева подняла ладони в примирительном жесте:

– Этого я не говорила.

– То-то же! – воскликнула Карина-победительница. – Ты лучше расскажи, что услышала, когда мы общались по телефону.

Ева в долгу не осталась:

– Какой у Джая?.. – медленно и коварно начала она.

– Нет, не эту часть рассказа, – остановила Карина, поняв, что подругу не переиграть. – Давай сразу к ощущениям.

Их шуточная перебранка доставляла мне эстетическое удовольствие, с которым я ещё не сталкивался. Почему-то раньше, когда я встречался с девушками, те не знакомили меня с подругами и, уж тем более, не звали к ним в гости.

– А, ты об этом! А то я не поняла, – прикинулась овечкой Ева, но затем вернула в голос деловитость и начала рассказ. – Ладно, дело было так. Звонит Карина и начинает рассказывать что-то в духе того, что у неё бабочки в животе. Я ей: «Мать, ты чего? Тебе сколько лет? Тринадцать?» А она на своей волне: объясняет-объясняет, и вдруг я начинаю чувствовать в животе, да и вообще в теле, всё то же самое, о чём она говорит! И так явно! В общем, я втянулась, и закончилось тем, что я сказала: «Приезжай ко мне».

Ева сыпала настройками так, что у меня в туловище на уровне пупка раскрутился энергетический вихрь.

– И тут произошло самое смешное, – перехватила рассказ Карина, предупреждая жестами, что сейчас прозвучит нечто забавное. – Я по-быстрому собралась и вызвала такси. И кто

был за рулём? Тот же таксист, что нас вёз от речного вокзала!

Улыбка на моём лице уже лезла вширь, но я понимал, что самая соль впереди. Карина говорила дальше:

– Получается, прошло, наверно, часа два, как он выса-
дил тебя. Я сажусь в машину, он ко мне поворачивается
и со странным подозрением уточняет адрес, который у него
высветился в заказе. Я даже сначала не поняла его интона-
цию. Подтверждаю адрес, и он такой: «А я думал, ошибка,
и поедем на Парковую». И тишина.

Карина залилась смехом, засмеялся и я.

– Я ничего не стала отвечать, – продолжила она. – В итоге
ехали всю дорогу молча, а я почти слышала, как его мозг
кипит от негодования: «Вот шлюха! Сходила на свидание,
а потом ночью поехала к другому!» На выходе я протянула
ему чаевые, а он с презрением сказал «не надо» и умчался.

Ева тоже покатила со смеху, несмотря на то, что уже
слушала эту историю во второй раз.

– Видно, ты очень ему понравился, – подытожила Кари-
на, – раз он не смог спокойно смотреть, что я еду ночью
не к тебе. Так что я теперь потаскушка – таксист подтвердит.

Пока я смеялся, высказалась Ева:

– Вот что это за тупая мужская солидарность? Не разо-
браться и осудить девушку. А может, она к маме едет? Или
к бабушке?

– Точно! – воскликнула Карина. – Как Красная Шапочка!
Мы снова захохотали.

– Мужики, конечно, как животные, – не успокаивалась Ева. – Видят самку – мозг отключается во всех случаях. Иногда это и неплохо, но когда вот так!..

Раз уж мы с самого начала взяли курс на искренность, я не сдержался:

– История классная! Только я одного не пойму: вот у тебя, Ева, столько свободы вложено в атмосферу квартиры! Так почему же ты яро кроешь всех мужиков стереотипами? Таксист, может, и не семи пядей во лбу, но поставь себя на его место: ты вечером отвозишь меня, потом Карину, а потом ночью снова забираешь меня и везёшь совсем по другому адресу. Что бы ты подумала?

Защита прозвучала жёстко. Моя гиперкапсула вспыхнула, и в районе промежности зарделось пламя, жгущее лучами пространство вокруг Евы. Щупальца, которые тянулись ко мне от её капсулы, больше не казались мягкими и нежными: они превратились в острые пики, зависшие прямо передо мной. Стало очевидно, что я задел Еву.

Моё внимание захватили опасные орудия, готовые проткнуть мою энергетику. Не зная, как реагировать, я ещё глубже погрузился в ощущение огня, который концентрировался вокруг промежности вращающимся шаром. В контексте ситуации это походило на взвод курка револьвера – не самое удачное действие во время мирных переговоров.

Внешне всё было спокойно: мы как сидели, так и сидели, но напряжение, которое повисло в мета-мире, можно было

резать ножом. Я знал, что если Ева нанесёт удар, я тут же спущу на неё всех своих огненных собак, даже не желая этого. Но как выйти из конфликта, не усугубив положение, я не представлял.

– Вообще я бы, наверно, тоже тебя осудила, – словно сотканый из любви, раздался голос Карины.

Из середины её гиперкапсулы полилось свечение, которое обволокло меня и Еву. Нежная волна остудила раскалённый шар внизу моего туловища и растворила заточенные пики перед моим лицом.

Я перевёл взгляд на Карину: она не до конца понимала, что только что предотвратила энергетическую резню. С моих глаз будто спала пелена ярости:

– Вы заметили? – возбуждённо спросил я.

– Что? – удивилась Карина.

Ева уловила суть вопроса и ухмыльнулась:

– Кажется, мы только что чуть не набили друг другу морды, – задумчиво произнесла она.

Карина недоумённо посмотрела на подругу.

– Ну и парня же ты себе нашла! – ответила Ева на немой вопрос. – Взял и принёс смуту в наши беззаботные отношения.

Не дожидаясь, пока Карина найдёт что сказать, Ева обратилась ко мне:

– Я почувствовала и увидела, о чём ты спрашиваешь. И сразу поняла, как обычно веду себя в таких ситуациях.

Теперь и Карина *услышала*:

– И как? – поинтересовалась она.

– Как сучка, – ответила Ева и грустно усмехнулась, смотря на подругу. – Как ты вообще столько лет со мной общаешься?

Карина засияла милейшей улыбкой, встала, подошла к Еве и обняла её. Градус доброты зашкалил, и тепло разлилось по моей груди.

– Слушайте, а давайте поедим! – оживилась Ева, выпуская Карину из объятий. – Мы ещё не обедали, будешь с нами?

Я тоже успел проголодаться, поэтому с ответом не раздумывал:

– Буду! Только пойду руки помою. Куда идти?

Карина сразу вызвалась помочь:

– Давай я покажу.

– Нет уж! – запротестовала Ева, поднимаясь с кресла. – Я сама всё покажу. Знаю я таких: лишь бы наедине остаться.

Она посмотрела на нас строгим взглядом учительницы, а затем рассмеялась:

– Ладно, шучу: делайте, что хотите. Просто надо выдать тебе полотенце, а то там общее не висит. Пойдём.

В ванную мы пошли втроем, как на экскурсию. По пути Ева зашла в свою спальню за полотенцем, и я ненароком туда заглянул. Карина подметила мой интерес:

– Классная спальня, да? – спросила она.

Комната была просторной и с минимумом мебели: кро-

вать, комод, прикроватный столик и несколько декоративных полок с изящными нефункциональными мелочами.

– Ага! – ответил я, вспоминая свою спальню, которая теперь казалась старой коробкой, забитой ненужным хламом. – Только не пойму, где все эти... девчачьи штуки?

Точнее сформулировать я не мог, но перед глазами ещё стоял дом девушки, с которой я встречался раньше, и её гора косметики, кремов и непонятных устройств для наведения красоты.

Ева уже шла к нам с полотенцем в руках:

– А зачем мне они? – строго спросила она. – Я что, недостаточно красива сама по себе?

Она говорила с болезненным напором, и я сообразил, что вступил на зыбкую почву феминизма, в котором ничего не понимаю.

– Ты красивая, – пробормотал я, теряясь.

Ева ткнула в меня полотенцем:

– Вот и правильно: я красивая. Держи.

И тут я заметил, как уголки её губ слегка подрагивают, сдерживая улыбку.

– Ладно, Форс, – расслабилась она. – Над тобой весело прикалываться. Вот всё это барахло, без которого мне не жить.

Она сделала несколько шагов к стене и открыла в ней незаметную дверь, за которой была комнатка с зеркалом, подсветкой и полочками с кучей баночек, тюбиков и коробочек.

– Святая святых, – гордо представила Ева. – Её видит только тот, кто оказывается здесь.

Она указала на огромную двуспальную кровать в середине комнаты и продолжила:

– Так что теперь ты обязан...

– Ну, хватит! – вмешалась Карина, отчего Ева залилась озорным хохотом. – И как мне тебя знакомить с новыми друзьями?

– Я идеальная проверка, – заявила Ева, приближаясь к нам и жестом показывая выметаться из её спальни. – Недаром говорят: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Они смотрят на меня и понимают, осияют общение с тобой или нет. А ты остаёшься белой и пушистой.

Они продолжали перешучиваться и смеяться, пока я мыл руки. Когда я вернулся в гостиную, часть которой была отведена под кухню и столовую, Ева с Кариной крутились у плиты.

– Джай, ты суп на мясном бульоне ешь? – спросила Ева.

– Ем.

– Отлично! Я вчера вечером сделала очень вкусный суп.

– Это правда, – подтвердила Карина, нарезая укроп. – Я ночью съела тарелку – еле удержалась, чтобы не заглотить ещё одну.

– А козий сыр ешь? – продолжила опрос Ева.

– Ем.

– Тогда вот держи доску, нож и сыр – порежь, как тебе

нравится.

Сыр я резал очень аккуратно, чтобы не упасть в грязь лицом перед двумя девушками. Дома я рублю как попало, а тут решил блеснуть и сделать ровные тонкие кусочки. Поэтому Карина закончила резать укроп и другую зелень для салата гораздо быстрее, чем я справился с тремястами граммами сыра. Пока Ева отвернулась к плите, помешивая суп и тушёные овощи, Карина подошла сзади и обхватила меня руками за пояс, прижавшись к спине. Нож застыл на полпути через сыр, и всё моё внимание ушло в места касания с телом Карины. Какое блаженство!

Сердце застучало быстрее, и Карина наверняка это услышала: она прижималась ухом к моему позвоночнику между лопаток. Помимо стука, на уровне мета-мира сердце выдавало глубокое красное свечение и тепло, уходящее далеко за пределы тела. Карина прижалась ко мне ещё сильнее, и я спиной почувствовал, что её сердце тоже ускорилося.

– Продолжай резать, – прошептала она, тихо хихикая.

Я повиновался.

Когда Ева повернулась, Карина уже шла к раковине, чтобы помыть ножи и доски.

– Овощи тушатся, суп греется, – поставила Ева руки в боки. – У вас, вижу, тоже всё готово. Ну что? У нас есть минут пятнадцать на то, ради чего мы собрались. Будем?

– Будем, – уверенно сказала Карина и закончила ополаскивать ножи. – Давайте здесь и сейчас, а то после еды не за-

хочется.

Она указала на высокие барные стулья, которые стояли у широкой стойки-стола, отделяющей границу кухни и гостиной.

– Я до сих пор не услышал, зачем мы собрались, – заметил я.

– Вот и хорошо, – ответила Ева. – Чище будет эксперимент.

Мы расставили стулья так, чтобы с одной стороны стойки сидели мы с Кариной, а с другой – Ева. Карина повела без предисловий:

– Давайте закроем глаза, – сказала она. – Найдём большой шар внутри груди. Чувствуете?

Посередине между солнечным сплетением и ключицами закрутился огонёк, который быстро заполнил грудную клетку.

– Чувствую там тепло, – сказал я.

– Мой шар – бильярдный, – описала Ева. – Крепкий, крутится, но маленький.

Карина дала нам минуту понаблюдать пространство в середине груди и пошла дальше:

– Хорошо. А теперь посмотрите, как ощущается шар внизу живота.

Сначала я внутренне возмутился: что это за точность описания? Я внизу живота находил кучу всяких ощущений, и каждое появлялось в совершенно разных ситуациях. Что

прикажете мне слушать сейчас?

Затем, когда уточнений от Карины не последовало, я пере-нёс внимание в низ живота и вдруг узнал появившееся чувство: Карина начала о нём говорить, и Ева о нём же пошутила, как о бабочках. Неужели это то, что чувствуют девочки-подростки, когда впервые влюбляются? Жутко любопытно и немного неловко чувствовать то же самое, если это так.

Минуты две мы исследовали это место в тишине.

– Что там у вас? – спросила Карина.

– Что-то вроде нефизического бурления, – попробовал описать я.

Голос Евы прозвучал с оттенком удовольствия:

– Чернота, – протянула она.

От одного её слова вместо невнятного бурления раскрылся неистовый чёрный вихрь, и я догадался, что он – лишь отголосок того, что ощущала Ева.

– А у тебя что? – спросил я Карину.

– У меня воронка, тоже чёрная. Она гудит, крутится и расширяется.

От этого описания мой вихрь ускорил вращение, и я оторопел оттого, насколько сильными были процессы, которые описывали девушки.

– Ты знаешь, что это такое, Джай? – спросила Карина.

– Нет, – ответил я, сличив ощущения с воспоминаниями. – Первый раз сталкиваюсь.

– А ты хорошо чувствуешь, о чём мы говорим? – спроси-

ла Ева.

– Да, вполне, – рассуждал я. – То есть я понимаю, что этой энергии, которую мы слушаем, в вас намного больше, чем во мне. Почему так, я пока не пойму.

Глаза я не открывал, но мне показалось, что в этот момент девушки переглянулись.

– А *чем* ты чувствуешь эту энергию? – продолжала Ева.

– Вопрос на засыпку, – вслух задумался я. – Не знаю. Вроде бы телом, а вроде бы нет.

– Может, органами какими? – уточнила она.

Мои познания анатомии оставляли желать лучшего.

– Нет, не похоже, – медленно ответил я, наблюдая за ощущениями. – Там вроде кишечник, а ниже мочевой пузырь, но вот чтобы они реагировали на то, что мы слушаем... нет, не думаю. Там будто бы есть что-то невидимое, и оно воспринимает эти энергии – вот, точно!

Я очень обрадовался подобранной аналогии. Передавать словами неопишемое – та ещё задачка. Но Еву такое объяснение не устроило.

– Нет, погоди, – настаивала она. – Расскажи подробно, *где именно* у тебя возникают ощущения.

Я не понимал, к чему она клонит.

– Что ты хочешь от меня услышать? – спросил я, наконец.

– Она хочет, чтобы ты признался, где у тебя матка, – сказала Карина.

Я тут же открыл глаза:

– Что? – удивился я.

Девушки уже давно сидели и переглядывались: Карина улыбалась, а Ева недоумевала.

– Когда ты отвечал, – стала объяснять Карина, – я ощущала твои слова... как бы так полегче выразиться...

– Маткой ты их ощущала! – выкрикнула подсказку Ева. – Давай называть всё своими именами.

– Ну, да, – пожала плечами Карина. – Маткой. Мы тебя позвали, чтобы понять, как это работает. Мы с Евой догадались ночью, где появляются эти энергии. Но то, что ты их так легко считаешь, – это просто удивительно! У тебя же нет матки?

Она задала вопрос, и я не сразу понял, что это шутка:

– Вроде нет, – произнёс я растерянно, но затем уловил юмор и пошутил в ответ. – Хотя, кто знает? Мне УЗИ никогда не делали.

Карина улыбнулась:

– Не хочу показаться бестактной, но я к тебе прижималась, и знаю, что *там* у тебя всё не так, как у девочек.

Кажется, у меня глаза округлились от смущения. Краска уж точно залила лицо. Не верилось, что это прозвучало из уст моей девушки при посторонних на первой неделе наших отношений. Я подсознательно захотел спрятаться от позора, и меня выкинуло в мета-мир, где я увидел фантастическую картину: в центре бесконечности сиял треугольник, в одной вершине которого был я в форме шара, а в двух дру-

гих вершинах – Ева и Карина в форме огромных бьющих молниями вихрей.

Зрелище завораживающее!

Я наблюдал, как закручивающиеся языки энергии выстреливают из вихрей и соединяются с моей гиперкапсулой. Я понял: Карина не собиралась меня задевать. Просто она включила другой режим взаимодействия с миром и несвойственные ей манеры, чтобы раскрутить внутренний вихрь ещё сильнее.

– Я смотрю сейчас на вас в мета-мире, – заговорил я с прилившей уверенностью, – и понимаю, что у меня *вообще всё* по-другому по сравнению с вами! Вы же ходячие смерчи!

Последняя фраза родилась сама собой, и только через несколько секунд она показалась очень смешной. Девушки захохотали, я – вслед за ними.

– Короче, матки у меня нет, – решительно заявил я. – Но я слышу ваши. Теперь мне от этого уже не скрыться.

– Форс, ты уникам, – подытожила Ева. – Подсунул нам умение чувствовать непонятные вещи, и мы после этого сами тебя пригласили, чтобы ты залез к нам... по самое дальше некуда, там, где уже тупик.

Она хохотнула, как пират.

– Судя по мета-миру, это не тупик, – не согласился я, – а такой портал, что всем порталам портал. Только непонятно, как с этой энергией взаимодействовать: она как торнадо – сметёт и не заметит.

– Я сейчас сама как торнадо, – ответила Ева и встала из-за стола. – Смету всю еду и не замечу. Давайте уже пообедаем: после таких откровений жор напал.

Через минуту перед нами стояли тарелки с супом и салатом.

Мы ели и разговаривали на отвлечённые темы: музыка, дизайн, теплоходы, фестивали, таксисты, учёба. Из разговора я узнал, что Ева окончила университет три года назад, а значит, она лет на пять старше нас с Кариной. Интересно, как вышло, что они уже давно подруги?

Еда и разговоры отвлекли от вихрей в мета-мире. Восприятие огрубело, и я снова видел нас троих как шарообразные гиперкапсулы. Станным было то, что потоки энергий между мной и Кариной не сильно отличались от тех, что текли между мной и Евой. А я ведь Еву видел во второй раз в жизни: откуда успели появиться такие прочные связи?

Ещё я заметил, что вокруг меня и Карины в мета-мире очень много свободного места, а возле гиперкапсулы Евы постоянно шныряют какие-то проходимцы. Вот что имел в виду Самуил, когда говорил, что наши энергии разогнались, и первое время к нам никто не сунется!

Я догадался, чего ждали паразиты: если бы мы с Евой полчаса назад поцапались, от наших гиперкапсул во время драки отрывались бы ошмётки. Их бы сразу подхватывали падальщики. А может, под шумок и забрались бы внутрь ран, которые мы были готовы друг другу нанести.

Я вспомнил, как Карина помешала энергетическому мордобою, и меня охватила волна благодарности: сколько нашего сознания она сберегла! И как здорово, что Ева смогла сложить оружие! Она бы меня исполосовала по полной программе, и я бы тоже в долгу не остался.

В моей груди разожглась звезда, согревающая и освещающая всю Евину квартиру.

– Какие вы классные! – вдруг вырвалось из меня.

Девушки заулыбались.

– Ты опять в мета-мир улетел? – спросила Карина.

Я скорчил комично извиняющуюся рожицу, мол, да, попался, а затем нашёл остроумный ответ:

– Так вы и в материальном мире классные!

Ева вздохнула и усмехнулась:

– Эх, Форс! Я тебя сегодня по-всякому стебала – ты уж прости, это я так Каринку защищаю. Но ты прям хорош! Только не зазнавайся и не думай, что я ослаблю хватку.

Услышать душевную похвалу от Евы оказалось очень лестным. Глупая улыбка, в которой я расплылся, это подтвердила.

– Даже не знаю, как тебя отблагодарить за то, что ты нормальный чувак, – продолжала Ева. – Лучше супа, чем этот, я уже не сварю, так что насладись им хорошенько: это символ моей признательности.

– Я придумала благодарность, – сказала Карина, и я заметил, как она сама светится от одобрения подруги.

Она потянулась ко мне, и я потянулся к ней – благо, барные стулья позволяли. Мы поцеловались страстно как никогда. Я почувствовал, как в моей энергетической структуре проявился столб слепящего света, на который сразу налетел чёрный вихрь Карины. Мы снова вернулись к своим тарелкам, но я всё ещё чувствовал, как мы соединились в единый круговорот энергий.

Ева умилилась, закатила глаза и пошла накладывать второе. Она расставила широкие тарелки на стол и принесла сковороду, с которой разложила нам овощи.

– Вот скажи мне, Форс, – заговорила она, вернувшись за стол. – Откуда ты такой взялся, что у Каринки снесло башню? Ты её загипнотизировал?

Ева с теплотой посмотрела на подругу. Та сияла от счастья.

– Я ещё неделю назад о тебе ничего не слышала, а сейчас вы смотрите друг на друга, и я боюсь, как бы огонь из ваших глаз мне гостиную не спалил. В чём секрет?

Очаровательное сравнение с огнём! От него звезда в моей груди увеличилась втрое и выступила на полметра за пределы туловища. Тепло этой звезды начало циркулировать по поверхности кожи.

– А вот это мне тоже интересно, – подхватила Карина и поймала мой взгляд. – Ты всегда был милым парнем, но не более того. И вдруг на лекции я смотрю, что ты сидишь передо мной, и понимаю, какой ты... манящий!

Ух! Вот это определение!

– Ты меня тогда позвала, и я почувствовал, как меня окутало волной удовольствия, такого тёплого и очень приятного, – вспомнил я момент, о котором рассказала Карина. – На этой волне меня вынесло в какое-то сказочное пространство, где я обо всём забыл.

Казалось, мы говорим о событиях, которым не меньше года, а они произошли на прошлой неделе.

– Ты это связывал с гиперпрыжками? – поинтересовалась Ева.

– Я сейчас *всё* связываю с гиперпрыжками, – ответил я и, повернувшись к Карине, принялся рассуждать. – Но с ними наоборот: сначала я ощутил от тебя волны, а потом началась история с дварками и мета-миром. До этого я просто отчётливо слышал свою энергетическую структуру. Тогда я ещё, правда, не понимал, что это такое. Может, ты меня и заметила только потому, что я разгорелся?

– Не знаю, – пожалала плечами Карина. – Может быть. Но то, что в тебе что-то поменялось в один момент, – это сто процентов!

Карина смотрела с непринуждённой любовью, отчего я ощутил себя огромным пылающим шаром, раскалённым энергиями сердца. Такими же шарами я слышал девушек и почувствовал сильную связь между нами троими. Откуда она? Сознание тут же полетело искать ответ, и на пару секунд я прикрыл глаза, чтобы уловить отклик в мета-мире.

– Ты спишь или притворяешься? – спросила Ева бесцеремонно громко, так что я бы вскрикнул от неожиданности, если бы спал.

– А что? – буркнул я, не открывая глаз.

– Мы не обсудили, что будем говорить, – сказала она.

Я не очень понял, о чём речь, но глаза открывать не хотелось. Неожиданно для себя я заспанно произнёс:

– То же, что и раньше.

Странное чувство: я говорил Еве непонятные слова и одновременно им удивлялся. Откуда-то издалека прилетела догадка, и я мысленно воскликнул: «Не может быть!» После чего открыл глаза.

Может.

Я ехал в поезде: мягкие сиденья, еле слышный стук колёс, за окном проплывают поля, холмы и деревья – налицо гиперпрыжок в тело двойника из параллельного мира. Ну вот! А я только начал есть овощи, которые положила Ева! О, да она сама здесь! Сидит рядом со мной, отвернулась к окну.

Ситуация была необычной: я понимал, где нахожусь, но *вообще* не мог контролировать двойника. Выглядело всё, как сон, с той лишь разницей, что я полностью осознавал, что происходит.

Я отследил, что гиперпрыжку предшествовало любопытство: мне захотелось узнать, откуда такая сильная связь между мной, Евой и Кариной. Похоже, здесь я увижу ответ.

А как же моё тело?

Словно по заказу, перед глазами пролетела картинка, где я смотрю на Еву. Я заметил, что свалившееся с моей вилки кольцо кабачка зависло в воздухе, значит, там если не пауза, то очень сильное замедление времени, и здесь можно спокойно расслабиться. Что я и сделал.

Контроль над двойником не появился, но я стал его преданным наблюдателем: видел то, что видел он, слышал то, что слышал он, чувствовал то, что чувствовал он, при этом его память мне была недоступна, и я замечал лишь самые «громкие» его мысли.

То, что рядом сидела Ева, да ещё и в странном наряде, интриговало больше всего. Я произнёс, что мы чем-то давно занимаемся вместе – уже хоть какое-то объяснение, но хотелось бы узнать больше.

Впрочем, Ева здесь была не совсем Евой, как Кир-Ри была не совсем Кариной.

В первые секунды я видел Еву сразу в двух ракурсах, как будто смотрел сквозь миры. С одной стороны она представлялась подружкой Карины, сидящей напротив меня и поедающей овощи. С другой стороны Ева виделась в ином облики, удивительным для меня, но привычным для моего альтер-эго в этом мире.

Она была одета в длинное платье: такие я встречал на фотографиях европейских аристократок начала двадцатого века. Её волосы были заплетены в хитрую пышную причёску, утыканную шпильками, с концов которых свисали тонкие

золотые цепочки.

Мой костюм тоже был не из торгового центра: коричневый бархатный пиджак со вставками из атласной ткани, брюки из того же коричневого бархата и туфли со вздёрнутыми и приплюснутыми носами, напоминающими морды бульдогов, – нет, это не начало двадцатого столетия, это дикая смесь материалов двадцать первого века и вкусов девятнадцатого.

«В таком режиме меня надолго не хватит», – подумал я, понимая, что меня выкинет из этого мира, если я плотнее не соединюсь с сознанием двойника.

Напоследок я быстро оценил отсек вагона, в котором ехал, и понял, что он четырёхместный сидячий, что мы с Евой занимаем два места по ходу движения и что два места напротив нас пустуют. Судя по отделке вагона, это люкс: повышенная шумоизоляция, всё в стильном дереве и под потолком выключенный вентилятор.

Я устал удерживать сознание сразу в двух мирах. Нужно было принять решение: либо я прыгаю назад, либо отдаюсь во власть двойника.

Выбор очевиден.

Я почувствовал, как стремительно отдаляется тело, сидящее на барном стуле перед тарелкой овощей, и как вместо него я начинаю чувствовать себя-другого. Оказалось, осознанно отпустить собственное тело – не так-то просто. Охватила лёгкая паника, и потребовалось усилие, чтобы сохра-

нить самообладание и не выпасть из этого мира.

Я сонастроил сенсоры гиперкапсулы с ощущениями двойника – как будто включил запись его жизни в мой несуществующий бортовой журнал. Затем я почувствовал поток света, поднявшийся через гиперкапсулу снизу вверх.

В потоке зазвенел вопрос «Зачем ты здесь?»

Я прокричал в бесконечность: «Я хочу знать!»

Поток воспламенился и ускорился, моё внимание растворилось в чужом мире, и я ощутил себя тем, за кем только что наблюдал со стороны.

Глава 26. Трое в поезде

– И всё-таки, Блэйк, надо проговорить. А то ты ещё что-нибудь наобещаешь, а меня спросить забудешь.

«Блэйк»! А в нашем детстве Ди звала меня Блэки. Что это я вдруг вспомнил?

Странное у меня состояние: я только что вроде спал, а вроде бы и нет. Впрочем, четвёртый час едем: неудивительно, что постоянно рубит в сон.

Назову её в отместку полным именем. Её раздражает, когда я так говорю.

– Диана, этим ребятам на всё плевать: они мамок своих продадут – глазом не моргнут. Им нужна самая дешёвая производственная площадка. Всё, что их волнует, это низкая себестоимость. Они даже спрашивать не будут, за счёт чего мы удержим цену. А её я тебе назвал.

– Они-то, может, и не будут спрашивать, потому что им плевать, зато спрошу я: каким местом ты считал, когда называл стоимость производства на наших фабриках? Ляпнул цифры – мне теперь разгребать.

Понятно, к чему она клонит. Наша математика простая: вторсырьё плюс дешёвый труд нищих и убогих. Но в этот раз я действительно занизил цену.

– Ты знаешь, за счёт чего мы обычно держим цену. Зачем тогда спрашиваешь?

Похоже, Ди обиделась:

– Вот поэтому я с тобой и не хочу вести дела. Мне надоело, что каждый первый орёт, что мы эксплуататоры.

Это что-то новое для Ди. Раньше мнения других её не волновали.

– С каких пор тебя это заботит? За последние пять лет у нас ни одного зафиксированного нарушения. Муниципалитет готов тебе лизать всё что угодно, лишь бы ты продолжала давать работу всякому сброду. А свои слова помнишь? «Минимальная зарплата – максимальный результат». Так ведь и есть.

– Ты пропускаешь то, что я говорю, мимо ушей! Сейчас речь не об этом, а о том, что ты кому-то обещал условия от имени компании без моего согласия. Когда я просила посмотреть за текучкой на время моего отъезда, мне и в голову не могло прийти, что у меня брат – идиот, который загрузит как минимум три фабрики работой в убыток.

Она закипает. Смешно, когда младшая сестра начинает злиться. Правда, весело это бывает, только если я точно знаю, чем охлажу её перед взрывом. Прямо как сейчас.

– Ладно, сдаюсь. Вынудила сорвать сюрприз. Кстати, твоё «ненадолго» растянулось на год, и не похоже было, что ты собиралась возвращаться из путешествия по своим «духовным местам».

– Ой, избавь от своего мнения о моём отдыхе! Конечно, лучше через день нажираться и по борделям шастать! У тебя,

наверно, абонемент в «Купели»?

В этой сети борделей абонементов не было, и появлялся я там не чаще, чем раз в месяц, поэтому слова обидные. Будто в противовес моему якобы разгульному образу жизни сестра внезапно ударилась в эзотерику. Конечно, эзотерика – это удел дегенератов, но Ди не дура – наверняка видит в этом какую-то выгоду, только мне не говорит. Вот я и злюсь.

– Не суди, да не судима будешь! У каждого своя духовность. Так вот сюрприз: я говорил с губернатором, и он не против, если мы привлечём на работу беженцев.

Буду описывать всю ситуацию кусками, оставляя самое вкусное на потом.

– Что это даст? У официальных беженцев такой статус, что меньше минимальной оплаты труда им не поставить. А с нелегалами я больше не хочу связываться.

– Всё правильно. И всё будет по закону. Более того, будем предоставлять работу целым семьям! Запустим рекламную кампанию: «Начни новую жизнь всей семьёй с КРМ Индастриз!»

Ди мне не верит. Ничего, сейчас дойдёт до цифр.

– В чём подвох? Ты же без него не можешь.

Вот мой звёздный час!

– В том, что мы откроем вакансии для волонтеров младше шестнадцати лет. Народ валит семьями: на двоих взрослых четверо щенков, один из которых в возрасте от двенадцати до шестнадцати. Все – наши будущие работники, потому что

пойти им больше некуда, а на гуманитарке долго не протянешь. Заявим как волонтерство, а нагрузим по полной ставке. Проследим, конечно, чтобы двенадцатилетние не таскали тяжести, но уж к швейной машинке или на обработку каждый сможет встать. Я поговорил с юристами – мы можем целый цех волонтеров нанять, только со сменами поиграемся, чтобы они работали не дольше четырех часов. Оплату поставим символическую, но для них она будет пределом мечтаний. А для нас это несколько тысяч почти бесплатных рук! Если тебе важно, сделаем группы по обучению: они, считай, будут профессию получать, нам бы за это с них деньги брать, так ведь нет, мы сами им заплатим. И учёба, и практика. Так мы расширим производство вдвое, а зарплатный фонд увеличим всего на двадцать процентов.

От гениальности плана я был в восторге уже вторую неделю. Неудивительно, что Ди надолго задумалась. Да, вижу сомнения на твоём лице, всё правильно: дел-то много нужно сделать, чтобы такое повернуть, но оно того стоит!

– Знаешь, Блэйк, что самое ужасное? Ты рассказал то, что другой человек мог бы придумать как реальный благотворительный план. Но в твоих словах столько мерзкой алчности, что я удивляюсь, как много в тебе дерьма, о котором я ещё не знаю. Если ты ничего с ним не сделаешь, оно обязательно полезет наружу и разорвёт тебя к чёртовой матери.

Не понял. Что это было?

– Да ты посмотри на расчёты, прежде чем нести чушь!

– Он ещё расчёты прихватил! Смотрите, какой заботливый! Засунь эти расчёты себе в задницу – у тебя там дерьмо протекло!

– Да что ты заладила? «Дерьмо! Дерьмо!» Ты мне адекватно можешь объяснить, что тебе не нравится?

– То, что ты бесчеловечный урод!

Она без криков не понимает.

– Да где бесчеловечный-то? Эти засранцы никому не нужны, подохнут, как собаки! А тут для них хоть какой-то вариант. Да чтобы им помочь, я у губернатора квоты пробивал!

– Ох ты, батюшки! Напрягся-то как! С дядей Сашей поговорил! Не пукнул от натуги? Ладно, всё, замолчи! Дай мне спокойно в окно посмотреть, а не на твою тупую рожу.

Отвернулась. Психичка! Не разобралась – и сразу орать. Может, у неё месячные? Или бешеная обезьяна укусила в путешествии? Обидно, что вернулась не сестра, а раскисшая тряпка. Строит из себя фифу, что деньги для неё не важны, а у самой в волосах золотых шпилек столько, что на них можно год всех беженцев кормить! Нашлась тут святая. Как она в таком состоянии будет дальше руководить фабриками? Надо бы забрать у неё часть функций.

Ладно, пусть посидит, остынет. Сейчас мозги промытые включит и сама приползёт ко мне с извинениями.

О, поезд остановился. Я и не заметил платформу. Значит, ехать ещё три часа. Что-то там народу многовато. Надо было выкупить все четыре места, чтобы к нам никого не посади-

ли.

А вот и дверь открывается, чтоб её!

– Добрый день!

Вот это сиськи!

– Добрый день!

Беру свои мысли обратно: такой попутчице я бы сам купил билет. Как же у неё платье обтягивает грудь! Ещё и скромница: даже намёка на декольте нет. Платье похоже на то, что на Ди, значит, и стоит примерно так же. А значит, девочка в люксе не случайно.

– Здравствуйте! Я Диана.

– Очень приятно, Диана. Я Рита.

– Блэйк.

И кивну головой, умеренно-пафосно, чтобы показать статус. Вот так.

– Очень приятно, Блэйк. Рита.

У неё совсем небольшой чемодан, да и проводник не провожал её до места. Она его сама хочет забросить на полку? Даже не стала ждать, пока я встану, чтобы помочь. Ловко закинула! Значит, не тяжёлый.

О, как удачно задралось платье и оголило щиколотку. Кремовые чулки – это последний писк. Голени – фантастика! Жаль, эти дурацкие пышные платья не дают понять, какие бёдра. Хотя жиров, вроде, не видно: по складкам шёлка заметно, что попа подтянута. Ох, я бы её сейчас проверил на упругость! Девочка – самый сок! Натали до неё далеко,

хорошо, что я её бросил, хотя когда мне это мешало цеплять других?

У меня есть три часа, чтобы с ней замутить. Для начала надо пройтись: остыну и сыграю в джентльмена. Может, Ди уже отпустило?

– Я пойду в вагон-ресторан. Посмотрю, что там есть. Тебе что-нибудь принести?

– Не надо. Позже сама схожу.

Всё ещё обижена, ну и чёрт с ней. Я ей деньги из ничего делаю, а она истерики закатывает.

Время любезничать:

– Рита, может, *вам* что-то принести из вагона-ресторана?

О, мы удивились, но скрываем эмоции? Какие мы застенчивые!

– Благодарю вас, мне пока ничего не хочется.

Ответ очевидный, зато сколько впечатлений оставил вопрос! Я всё равно принесу десерты и закажу чай – она не откажется хотя бы из любезности.

Сначала – в туалет.

Ди теперь фыркает, а если бы не я, мы бы так и ездили экономами и ходили по загаженным сортирам, силясь не блевануть. Что-то не замечал в ней тяги к духовности, когда она была никем и на нуле. Духовность – это припудренная проститутка, обслуживающая только тех, у кого есть деньги.

Вакуумный слив тихий – удобно для скромниц вроде Риты. Вода в кране подогретая – не зря столько дерут за люкс.

Ресторан через вагон. Не люблю эти переходы по вагонам, как будто я бабка с пирожками: «Кому пожрать, нищевроды?»

У них что, ковёр целиком на вагон? А нет, вот стыки – здорово сделаны. Ткань, похоже, от «Тексвилла». Интересно, они через тендер сюда зашли или подмазали кого? Дай-ка запишу:

«Тендеры на ЖД».

Да и не только на железке – хорошо бы глянуть везде на транспорте.

«Тендеры на ЖД, кораблях, автобусах, дирижаблях».

С новыми мощностями мы тряхнём рынок. Как приеду, отправлю с вокзала телеграмму – пусть Руперт к моему возвращению разберётся, как подлезть к перевозчикам.

О, какое они сделали освещение в ресторане! Навели романтику, как в том кафе на крыше небоскрёба.

Ножки официантки ничего. Надеюсь, она не тупая и не будет толкать мне всякую дрянь. Красиво улыбается.

– Добрый день. Меня зовут Мария, я буду вашим официантом. Вот, пожалуйста, меню. Будут ли сразу пожелания по напиткам?

– Здравствуйте, Мария. Капучино, пожалуйста. И, чтобы я не копался в описаниях, порекомендуйте пару десертов, не слишком сладких.

– Конечно...

Неплохо. Видно, работает здесь давно: продаёт умело.

Она бы так могла пару вагонов текстиля продать.

– Я понял. Принесите морковный пирог. Если понравится, то ещё три заберу с собой.

– Хорошо. Давайте проверим заказ: капучино и морковный пирог. И позже уточнить, подготовить ли три морковных пирога на вынос.

– Верно, спасибо.

Вот таких бы мне в отдел продаж. Хотя вряд ли бы она согласилась: здесь она катается туда-сюда, поднимает свою сотку и особо не напрягается – люди ей сами деньги несут. А у нас за покупателями ещё побегать надо. Да и что она тогда раньше отсюда не ушла? Если у неё описания пирожков от зубов отлетают, вряд ли она учится чему-то другому, чтобы перестать быть пустым местом.

– Пожалуйста, ваши капучино и морковный пирог.

– Спасибо.

– Приятного отдыха.

Кофе помойный, а пирог похож на папин кекс. Чудаком он, конечно, был: держал мануфактуры по всей стране, деньгами подтирался, а больше всего радовался, когда нам с Ди пёк кексы. Хорошо, что он не застал, как мы с ней всё спустили, и плохо, что не увидел, как после этого мы снова поднялись. Ди оценит этот пирог. Девочке он тоже должен понравиться. Маякну официантке.

– Да. Желаете что-то ещё?

– Пирог вкусный, поэтому сделайте три таких же на вы-

нос, каждый как отдельную порцию.

– Три морковных пирога, каждый в отдельную упаковку с приборами.

– Верно. И принесите счёт.

Ди, наверно, хочет, чтобы я точно так же переспрашивал её мнение по всем вопросам. Где-то я упустил момент, когда она стала претендовать на старшую. Нет, милая, ничего у тебя не получится, ты всегда останешься «Блэки-меня-Джонни-обозвал-дурой». Джонни, может, и был прав, но свой фингал за это он от меня получил. И так будет с каждым, кто обидит Ди.

– Пожалуйста, ваш счёт.

Заслужила чаевые.

– Ваши десерты, пожалуйста.

– Спасибо. До свидания.

– Всего доброго! Приходите ещё.

Опять идти через вагон.

Ну что ты прёшь, как баран? Не видишь, у меня в руках коробки с пирожными?

– Разрешите?

– Пожалуйста.

Он что, целый пузырь одеколона на себя вылил? Кретин! Мой вагон. Какое же у меня купе? Вроде это.

– А как вам линия кинкардовой ткани?

Ди и Рита без меня не скучали и нашли общие темы. Это очень хорошо. Ди и девочку расслабит, и сама развеется.

А гадости обо мне она никогда не будет говорить посторонним, как бы сильно на меня ни злилась.

– О, Диана, кинкард – моя любовь! Это будущий хит, я уверена! У него фактура неповторимая, через год-другой спрос на эту ткань невероятно взлетит. В этом году несколько домов моды выпустили коллекции с кинкардовыми жакетами. Я, правда, больше склоняюсь к изготовлению из такой ткани брюк – она долго не изнашивается и не затирается.

– Вы говорите о женских брюках?

Дианша нашла жертву, сейчас запоёт про то, что все бабы должны носить штаны. Хорошо, что она сегодня сама в них не вырядилась.

Ха! Девочка заколебалась – не знает, что у сестры на уме: защищать бабскую долю или тягаться с мужиками.

– О брюках вообще: и мужских, и женских.

Хитрый ответ.

– О, Рита! Вы тоже считаете, что уже пора завязывать носить эти колокола и надевать по-настоящему удобную одежду?

– Я думаю, что фасоны одежды не должны ограничиваться полом. Люди достигли небывалого развития: плавают под водой, летают в воздухе, носятся по земле на огромных скоростях. Все газеты пишут о свободе и тут же заявляют, что платье – женщинам, а брюки – мужчинам. Мораль лицемеров! Я уверена, мода должна уже, наконец, показать, что платья созданы и для мужчин, а брюки – и для женщин.

Да девочка с придурью! Но от этого она становится только горячее: вон как у неё щёки раскраснелись!

– Рита, это изумительно! Вы прямо мои мысли озвучиваете! Блэйк, ты пропустил: у Риты три ателье, которые работают, в основном, на наших тканях. И смотри, как Рита отзывается о кинкарде! Я же говорила, что мы не зря столько вбухали в его производство!

Ди аж расцвела! Удачно я сходил погулять.

– А ты узнала мнение Риты о тканях *до* или *после* того, как сказала, какое мы имеем отношение к «КРМ»?

Отлично! Шутка попала в цель – Рита засмеялась.

– Будьте спокойны, Блэйк, ткани «КРМ» одни из самых практичных. Я бы не стала обманывать, если бы они были плохими. Наоборот, начала бы жаловаться!

От этих слов ещё больше захотелось затащить её в постель: сочная, дерзкая и любит нашу продукцию – этого достаточно, чтобы я больше ни о чём не думал.

– Вы очень любезны, Рита. Спасибо. Всегда приятно услышать комплимент профессионала.

Надо же, тут даже врать не пришлось. Похвали «КРМ» – и сразу станешь моим другом. Давно не слышал живые отзывы о продукции. Все только болтают о продажах, закупках и о том, какие мы козлы. А потребителям-то нравится!

Ди заметила, как я лыблюсь от слов Риты. Что, сейчас опять скукожится? Похоже, нет. Она мне улыбнулась! Это очень хороший знак.

– Рита, перед вашим приходом мы с братом немного повздорили: так бывает, когда речь заходит о деловых вопросах.

Что это она задумала?

– Чтобы мы снова помирились, помогите, пожалуйста, разрешить наш спор как человек незаинтересованный и понимающий в индустрии. Только прошу вас быть предельно откровенной и не бояться задеть наших чувств.

– Конечно, Диана, чем я могу помочь?

– Мы с братом разошлись во мнениях, как наша компания воспринимается в деловых кругах. Скажите честно, что вам первым приходит на ум, когда вы слышите о «КРМ»?

Теперь ясно, почему Ди так радовалась: нашла союзницу в борьбе против меня.

– Ах, Диана, но я не «деловые круги»! У меня только творчество.

– Ну, всё равно. Так даже интереснее.

– Хорошо.

Задумалась. Улыбка не спадает, значит, план Ди не выгорит, и сейчас будет что-то хорошее.

– История Эдварда Кинкарда.

– История Эдварда Кинкарда?

Ха! Ди аж перекосило. Не ожидала подобного, сестрёнка? Я же говорил, всем плевать, какие у нас условия труда, – миру важен результат!

– Да, это потрясающая история! По слухам, Эдвард Кин-

кард работал в «Тексвилле» обычным рабочим на линии. Однажды он добился встречи с директором Дольтиссори и сказал тому, что придумал новую технологию производства ткани. Чертежей у него не было, и он просто показал кривой рисунок, где схематично изобразил принцип.

Как хорошо, что Дольтиссори – идиот!

– Тогда в разговоре, опять же по слухам, Дольтиссори не до конца разобрался в идее Кинкарда и спросил, что нужно, чтобы произвести пробную партию новой ткани. Кинкард сказал, что нужно полностью переделать хотя бы одну производственную линию. Говорят, Дольтиссори так громко рассмеялся в лицо Кинкарду, что тот незамедлительно уволился.

Это враньё. Дольтиссори, конечно, идиот, но идиот воспитанный.

– После этого Кинкард пошёл со своей идеей по фабрикам, но все над ним смеялись и считали сумасшедшим. А когда он пришёл к вам, вы его приняли, разобрались в схемах, выделили целую линию для переоснащения, а самого Кинкарда назначили руководителем проекта. Так появилась кинкардовая ткань, за которой будущее. Вот что приходит мне в голову в первую очередь, когда я слышу о «КРМ».

Звучит романтично, особенно про Кинкарда. Только эта версия умалчивает о том, как Кинкард сдал весь «Тексвилл» с потрохами. Он уволился не сразу, а через две недели после разговора с Дольтиссори. За это время собрал о компании

всё, до чего смог добраться, и свалил.

– Это заслуга Блэйка. Эдвард Кинкард пришёл в офис «КРМ», которым руковожу я, потому что там главная приёмная для новых сотрудников. Эдвард очень настаивал на встрече с директором, и мне стало любопытно. У нас в компании я больше занимаюсь инфраструктурой и кадрами, а Блэйк глубже погружён в производство и логистику. Блэйк работает из другого офиса и в тот раз просто заехал за какими-то документами. Я сказала, что пришёл странный тип, который работал в «Тексвилле», и Блэйк решил остаться, чтобы познакомиться. Мы с Эдвардом поговорили, Блэйк изучил схемы и поверил в парня. Мы потратили много денег, чтобы реализовать его проект, но он того стоил. Надеюсь, Дольтиссори после этого сгрыз себе локти.

Изящно изложила. Версия Ди выглядит симпатичнее, чем реальная. Я искал возможность лишний раз нагнуть Дольтиссори, который накануне хвастался газетчикам, какой он молодец, и тут приходит Кинкард, показывает схемы и заявляет, что если мы примем его предложение, он выдаст кучу информации о «Тексвилле»: от закупочных контрактов и документов с производства до списков всех покупателей. Я тогда как раз выводил несколько тканей из ассортимента, отчего освобождалась линия. Я так ненавидел Дольтиссори, что был готов на эксперимент, лишь бы заполучить всю подноготную «Тексвилла», да и Кинкард не глупость предлагал: видно было, что башка у него работает как надо.

Наконец-то Рита раскрепостилась: хохочет над фразой про Дольтиссори. Воспользуюсь ситуацией и реабилитируюсь перед Ди:

– Да, с Кинкардом повезло: он талантлив, и я рад, что он с нами. Вдвойне приятнее, что эта история у вас ассоциируется с «КРМ». Только мне всё-таки хочется разрешить наш с сестрой спор. Поэтому, Рита, если вы не против, я попрошу вас рассказать ещё кое-что.

Ди смотрит на меня с интересом. Кажется, оттаивает.

– Спрашивайте, я готова.

– Мне нужна нелицеприятная правда, и мне важно услышать её от вас. С чем плохим у вас ассоциируется «КРМ» или «брат и сестра Саммерс»? Самое первое, что приходит в голову.

Не ожидала, сестрица? Да, я могу смотреть проблемам в глаза.

Кажется, я смутил Риту. Ну, ничего, назад уже не повернуть. Надеюсь, она не соскочит с вопроса, иначе грош ей цена как человеку.

– История с аварией на одной из ваших фабрик. Давно, лет семь назад, я прочитала о ней в газете. Я только начинала шить и всё время проводила за швейной машинкой, поэтому так болезненно отреагировала на новость о швейном цехе.

Вот этого я не предугадал.

– Газеты написали, что погибли тридцать три швеи. Я смотрела на свою комнату, где, по сути, всё выглядело как

рабочее место швеи из цеха, и плакала.

Прости, Ди. Если бы я знал, что эту историю ещё кто-то помнит, не задавал бы дурацкого вопроса.

– Тридцать восемь человек. Я собрала пресс-конференцию на второй день после аварии, поэтому сказала тридцать три, и газеты подхватили эти цифры. Пять женщин, которых мы достали из-под завалов, через несколько дней умерли в больнице.

Что же ты наделала, Рита? И зачем я только спрашивал? За день до обрушения Ди разговаривала со швеями и обещала, что скоро начнётся ремонт. Жалобы шли уже давно, мол, иногда с потолка сыпется песок, но мы не хотели останавливать производство, потому что только начали выбираться из ямы.

– Простите, Диана.

– Нет, Рита, всё в порядке. Наоборот, я благодарна вам за искренность. Вы правы: это самое ужасное, что может произойти с компанией.

Она до сих пор винит себя. До аварии я предлагал варианты, как перенести производство, но Ди говорила: «Перенесём, когда Луну через потолок увидим». Во время расследования комиссия постановила, что виной обрушения стал резонанс, в который входили несколько потолочных балок из-за работы станков в соседнем цехе. Формальных нарушений с нашей стороны было мало, чтобы нам предъявить обвинения. Аварию признали несчастным случаем.

Рита замолчала – умная девочка.

Ди наверняка сейчас прокручивает картину, когда мы зашли в цех через двадцать минут после обрушения. Офис у нас ещё был общий и недалеко от фабрики, поэтому мы быстро узнали и быстро добрались. Ехали в одной машине, но всю дорогу молчали – слова не нужны, когда понятны причины. Охрана фабрики перекрыла территорию, эвакуировав всех из соседних цехов, а мужики с производства начали расчищать завалы.

Ди сразу бросилась внутрь, хоть её и уговаривали этого не делать до приезда аварийной бригады. Я пошёл за ней.

Во всём цеху стоял туман из пыли, через огромную дыру в крыше светило солнце, и это было самым жутким, потому что сразу вспомнились слова Ди про Луну. Кругом груды камней, досок и шифера. С потолка что-то снова упало, я зачем-то крикнул охранникам, шедшим за нами, остаться на месте и дожидаться аварийную бригаду. Ди выкрикивала имена женщин, которых я не знал. Послышался слабый стон, и Ди бросилась на него, карабкаясь через обломки. Я поскользнулся на шифере и упал, и только тогда увидел, как сильно трясутся мои руки и ноги.

– Мы с Блэйком приехали очень быстро...

Ну зачем ты продолжаешь? Неужели за все эти годы ты не успокоилась? А я успокоился?

– Я вошла в цех и не узнала его: половина под обломками, и ничего не видно из-за солнца и пыли. Потом я услышала

стон и добралась до Беллы – начальницы цеха. Она почти не могла говорить, но сумела попросить позаботиться о детях всех погибших девочек. Она даже не обвиняла меня, хотя у неё было полное право меня проклинать!

Ну-ну, Ди, не говори лишнего. Нам удалось скрыть от комиссии, что мы были в курсе проблем с потолком, потому что все, кто жаловался, погибли.

– Я сдержала обещание: их дети никогда не будут нуждаться. Но взгляд Беллы до сих пор стоит перед глазами.

– Мне очень жаль, Диана. Простите ещё раз.

– Мне тоже, Рита. Мне тоже...

После аварии Ди так ужесточила технику безопасности, что штрафовала и увольняла любого за малейшую небрежность.

Хуже то, что нам несколько лет приходили письма с угрозами, в которых нас называли убийцами. Из них мы поняли, что несколько погибших женщин говорили дома о проблемах с потолком в цеху, но даже газетчики не смогли зацепиться за эти рассказы: никто из родственников не был на производстве, и со стороны казалось, что они просто ищут виновных вместо того, чтобы принять случившееся и жить дальше.

– Я схожу в вагон-ресторан и выберу для нас напитки. У проводника только чай, а я бы выпила какао или солёного кофе. Я так понимаю, ты уже что-то принёс?

Хочет скрыться. Что ж, я её не виню.

– Да, в коробке три морковных пирога. Когда придёшь, съедем их вместе, хорошо?

– Хорошо, Блэки. Рита, что вам заказать?

Она назвала меня Блэки!

Ну, давай, девочка, это не тот момент, в который нужно отказываться.

– Я бы выпила какао.

Молодец.

– А мне закажи, пожалуйста, капучино.

– Хорошо. Только давайте договоримся: когда я вернусь, у вас не будет таких скорбных лиц, ладно?

– Договорились.

– Ладно.

Вот и улыбнулись. Как мне повезло с такой сестрой!

Мы остались одни. Ди спешить не будет – наверняка задержится в вагоне-ресторане, чтобы посидеть в одиночестве. А мы за это время успеем познакомиться. Надо сделать так, чтобы сегодня вечером после встречи у меня было продуктивное свидание с продолжением.

– Простите меня, Блэйк. Я не хотела расстраивать вас и вашу сестру.

Какой удачный момент, чтобы к ней подкатить!

– Такого не напишут в газетах, да? «Саммерсы небезразличны к судьбам людей» – какой унылый заголовок для статьи! Гораздо веселее поливать нас грязью.

– Ну что вы, не обращайтесь внимания! У меня был слу-

чай, что я уволила сотрудницу за систематические прогулы, так она пошла в местную газету и дала «разоблачающее интервью», в котором меня с чем только не смешивала! От такой несправедливости другие мои сотрудницы сами пришли к ней домой и велели пойти в газету с опровержением. Я, конечно, пожурила своих заступниц, потому что могло показаться, будто я их подговорила, но мне было очень приятно. Опровержение так и не вышло, но делу это не повредило. А ведь у меня всего три ателье. Не представляю, как вы справляетесь с тем, сколько желчи льётся в ваш адрес.

– Тяжело только первые годы, а потом привыкаешь. Ведь если нет завистников, значит, стоишь на месте!

Немножко ранимости плюс бравада равно шарм. Кажется, она повелась, раз так улыбнулась.

– Сестра велела нам взбодриться к её приходу, поэтому давайте не будем её подводить. У вас есть тема, которая бодрит больше всего?

Я сказал с подтекстом, а она смеётся – я на правильном пути. И глаза у неё снова загорелись.

– Вообще-то есть. Когда Диана сказала, что вы Саммерсы из «КРМ Индастриз», признаюсь, меня посетила корыстная мысль. Я сделала эскизы большой коллекции одежды и захотела их ей показать. В коллекции я собираюсь использовать кинкард и другие материалы «КРМ», тексвилловскую синтетику и несколько фактурных тканей мелких производителей. Я уверена, что коллекция выстрелит. Вы думали о прямом

выходе на рынок моды?

Ну и поворот! Я считал, что я её клею, а оказывается, что она клеит меня! Это я называю судьбой.

– Мы уже несколько лет думаем о том, чтобы выпустить каталоги одежды, которые бы наглядно показывали возможности наших тканей, но пока дальше разговоров дело не сдвинулось. Если у вас есть готовые эскизы, мы с сестрой с удовольствием посмотрим. Где вы их храните? Если там, куда мы едем, можем встретиться сегодня вечером. Не уверен, сможет ли Диана присутствовать, но я с удовольствием приду.

Это джекпот! Просто лучший поворот событий!

– О, как здорово, Блэйк! Может, тогда прямо сейчас и начнём? У меня всё с собой. Нам ещё ехать два часа – вы успеете понять, интересно вам или нет.

Да она сама меня взяла в оборот! Нравится её напористость. Лучше красивой предприимчивой женщины может быть только красивая предприимчивая женщина в моей постели.

– Чего же вы медлите? Доставайте скорее!

Как она мгновенно вскочила к чемодану! Она теперь нарочно виляет задом, зная, какая засветила удача. Если у неё всего три ателье, она не сошьёт целую коллекцию своими силами. Мы для неё реальная возможность, за которую надо цепляться. Вот это я понимаю правильная девочка: и грудью придавит, и умом!

– Садитесь сюда, пока Дианы нет.

Она уже не играет скромницу – похвально. Делай, как я скажу, и будешь королевой моды. Хорошо, что всплыли истории с Кинкардом и аварией: Рита теперь мне доверяет.

– В этом альбоме три коллекции: повседневная, вечерняя и верхняя одежда. С подробной выкладкой по всем используемым материалам. Альбом почти готов, и скоро я планировала искать спонсора для подготовки показа, но раз вы здесь...

А здорово смотрятся! Нужно мнение Ди, она в моде лучше сечёт и поймёт, было ли уже такое на рынке или нет, но на первый взгляд модели отличные.

На Ритины формы мне с такого ракурса, конечно, удобно пялиться, но если так пойдут дела, попялиться ещё успею: сейчас время денег, а они поважнее прелестей.

– Выглядит впечатляюще. Эти цифры означают типы тканей и количество в погонных метрах?

– Да, вот страница с легендой, какие рулоны я брала за основу.

– У этих трёх тканей «КРМ» осенью поменяется ширина: увеличится ровно на двадцать сантиметров, имейте в виду.

– Спасибо.

Она даже образцы материалов вклеила в альбом. Вот это я понимаю подход. Так, брюки пошли. Хм... как ни странно, выглядят сексуально, не то что Ди носит – будто с солдата сняла.

– Рита, вы меня удивляете.

– Надеюсь, приятно?

– Очень!

Как она необычно хочет кроить платья! Не верю, что кто-то такое уже делает: Ди сразу бы повелась и уже бы носила. Рита соображает в трендах: за таким шмотьём выстроится очередь.

– Давно вы начали придумывать коллекцию?

– Некоторым идеям пара лет. Я всё это время опасалась, что кто-то из модельеров придумает похожее, поэтому следила за всеми показами и каталогами, но пока ничего подобного не встречала.

Теперь я хочу её видеть рядом с собой и ночью, и днём. Интересно, у неё кто-нибудь есть? Да какая разница? Ведь у неё теперь будет Блэйк Саммерс!

– Мы точно сможем сотрудничать. Обговорим с сестрой, как именно. Если она не одобрит официальную поддержку от «КРМ», мы тогда с вами вдвоём придумаем другой вариант сотрудничества, потому что я впечатлён вашими работами.

Всегда надо оставлять лазейку.

– Спасибо, Блэйк. Для меня многое значит услышать это от вас.

Нет, у неё точно никого нет. А если и есть, она уже на него плевать хотела.

Кто это стучит? Проводник? Или доставка из ресторана?

– Входите, открыто!

Что это за тип в дешёвом пиджаке? Уж точно не проводник и не официант. Ошибся купе?

– Блэйк Саммерс и Диана Саммерс?

Курьер, что ли? Дела и тут догонят.

– Да, слушаю вас.

Рита, похоже, не прочь сыграть роль Ди. Забавная!

Какой-то нервный парень. Что, интересно, он достанет из кармана? Что это? Пистолет?!

Глава 27. Почему так хочется перемен

Два выстрела подряд – вот последнее, что я увидел глазами Блэйка Саммерса. Первый выстрел – в Риту, второй – в меня. Точнее, в Блэйка, которым я был ровно до того момента, пока пуля не пробила грудь. Сознание забилося в панике и тут же выпрыгнуло из того мира назад.

– В общем, я рада за вас, – продолжала Ева, и мне понадобилось напрячься, чтобы вспомнить, о чём только что шла речь.

Прожитая за Блэйка жизнь теперь казалась просто вспышкой в памяти.

– Ну правда! Не смейтесь. Может, я и не очень верю в отношения между ровесниками, но если вам хорошо и интересно друг с другом, то остальное неважно.

Ева попросила не смеяться? А! Это потому, что у меня не до конца сошла улыбка после Карининых слов в мой адрес.

Я перевёл взгляд на Карину: она улыбалась. Из её глаз лился ласковый огонь, отчего по мне пробежали мурашки: Рита была двойником Карины в том мире. Она погибла из-за шутки, которую я разыграл. Убийца искал брата и сестру Саммерс, он даже спросил, чтобы убедиться, и только потом

спустил курок.

– Как овощи? – спросила Ева, и за мыслями я не сразу понял, что меня.

– Очень нравятся, – машинально ответил я и вдруг явно ощутил вкус морковного пирога, который ел Блэйк в вагоне-ресторане и которым так и не успел угостить сестру и попутчицу.

– Я забыл принести что-нибудь к чаю, простите, – задумчиво произнёс я.

– Да ладно тебе, – удивилась Ева моей интонации. – Не убивайся ты так сильно, а то аж в лице поменялся.

Два выстрела. За что?

Хотя, неудивительно, что с таким отношением к жизни Блэйк заработал чужую ненависть. А почему вторая пуля искала Диану? По тому же самому с той лишь разницей, что она успела поменять своё мировоззрение, и это в конечном счёте её спасло.

Я вспомнил, что перед спонтанным гиперпрыжком задался вопросом, почему я испытываю такое странное чувство близости к Еве. Ответ оказался нагляднее, чем я мог предположить: в мире Блэйка мы с ней брат и сестра, и это только один случайный параллельный мир. А сколько таких ещё? Тысячи? Миллионы? Миллиарды?

– О! – воскликнула Ева, не дождавшись моего ответа. – У меня же остался пряник, который тот чудак Петер подарил! Я ещё не пробовала, а вы?

– Нет, не открывала пока, – замотала головой Карина.

– Я тоже.

– Ну и отлично. А то мы ночью все сладости сожрали – так все диетологи рекомендуют поступать, – а о прянике забыли. Как удачно!

Карина засмеялась, и я через силу ухмыльнулся.

Интересно, а как устроены эти события в параллельных пространствах? Какова первопричина того, что мы с Кариной стали встречаться? То, что её из-за меня убили *там*, и *здесь* я должен вернуть ей отнятую счастливую жизнь? Или то, что мы стали близки *здесь*, и из-за этого наши пути пересеклись *там*? Такое чувство, что первопричина находится за пределами логики и вне времени и пока ускользает от моего понимания.

Для меня уже не было новостью, что время – непостоянное значение. Теперь картина мира расширилась: время зависит от восприятия, и можно осознать все события Вселенной вне контекста времени. Правда, я не представлял, как это сделать, но потенциальная возможность впечатляла масштабами. Как же исхитриться, чтобы проследить жизни миллионов таких Блэйков, Собо́в, Джаев и тех своих воплощений, с которыми мне ещё предстоит встретиться в гиперпространствах?

Для начала не думать об этом так сильно, чтобы крыша не поехала.

Я наколол очередной кусочек кабачка на вилку и понял,

что размышления помогли отнестись к смерти Блэйка спокойнее. Масштаб параллельных миров немыслим, и неудивительно, что везде жизнь моих двойников рано или поздно заканчивается. Другое дело, есть ли у этого круговорота финал? И если есть, то какой? И как в параллельных мирах зарождается личность, которую я могу назвать своим двойником?

На каждое озарение приходят десять новых вопросов – вот истинная математика на пути познания реальности. От этого становится ещё интереснее!

Ясно одно: события в одних мирах напрямую связаны с событиями в других. Может, Блэйк не за свои прямые грехи расплатился, а потому, что наш с ним двойник набедокурил в другой параллелке, и Вселенная просто подбила баланс, списав долг с общего счёта. Тогда где гарантия, что следующий платёж не выпадет на мою жизнь?

Я вдруг понял, что моих двойников-обормотов, таких как Блэйк, может быть сколько угодно, и всегда есть вероятность, что результаты их обормотства прилетят ко мне прямо сейчас. Впрочем, с такой же вероятностью ко мне может прийти и десяток текстильных фабрик, что было бы намного приятнее внезапной смерти.

Бр-р-р! Аж мурашки по коже. Хватит фантазий, налягу лучше на еду!

Пока я рассуждал, Ева сходила за пряником и приготовилась его резать. Перед этим она включила чайник.

– Чего притихли? – спросила она, доставая блюдо под пряник. – Опять переглядываетесь и думаете об одном?

Даже неудобно стало, что я в этот момент просто ел и размышлял о гиперпрыжках.

– Об одном думаешь здесь только ты, – ответила Карина. – Что с тобой случилось? Была же нормальная до прихода Джая.

Карина уже доела второе и встала убрать со стола пустые тарелки. Чтобы освободить свою, я быстро закидал оставшиеся овощи в рот.

– Нашло что-то, – мечтательно сказала Ева. – Помню, в детстве я каждое лето ездила к бабушке за город. У неё были кролики, и я всё время ждала, когда появятся новые крольчата. Мне объяснили, что для этого нужно, чтобы кролик сначала подружился с крольчихой. Это звучало так мило! Вот и сейчас я смотрю на вас, и у меня возникают те же милые чувства, и я тоже хочу, чтобы вы... подружились.

Карина уже сложила все тарелки в раковину и вернулась к столу:

– Ева-Ева! – протянула она. – Теперь ясно, откуда ты такая: с детства вдохновляешься кроликами! Только не понимаю одного: почему мы начали шутить на эту тему так рано? Мы встречаемся меньше недели.

«Зато я понимаю», – подумал я, вспоминая Риту и Диану. Ева заварила чай и расставила перед нами бокалы.

– А я не верю, что вы встречаетесь всего неделю, – при-

щурилась она. – На вас глянешь – сразу видно, что вы вместе минимум год.

Она сделала паузу, пока мы переглядывались с Кариной, и продолжила:

– Вот помните, как позавчера Роберт с француженкой мутит? Забыла, как её зовут.

– Матильда, – напомнил я.

– Точно. Помнишь, какие между ними были полосы?

Я кивнул.

– А между вами, – загадочно говорила она, – не полосы, а облако, как будто вы уже смешались друг с другом. Ну, вы же понимаете, о чём я говорю!

Я понимал. А вот почему Ева не замечает такого же облака, связывающего её саму со мной и Кариной, неясно. Наверно, со стороны всегда виднее.

Сказать, что я с Евой вижу связь более переплетённой, чем с Кариной? Ну, нет, это будет совсем глупо. И историю Блэйка, Риты и Дианы тоже умолчу – не думаю, что Карине приятно услышать, что в том мире она для нас – случайная попутчица.

Я решил изложить свои наблюдения нейтрально:

– В отеле было видно, что все, кто собрался, – не посторонние друг другу люди. Иначе бы у нас не получилось соединиться в мета-мире в общую фигуру и куда-то полететь. Так что в каких-то гиперпространствах мы знакомы давным-давно.

– Возможно, – пожала плечами Ева. – Мне это пока не очень понятно. Так глобально я не могу себе этого представить. Но я бы хотела увидеть больше.

«Я бы хотела увидеть больше».

Её слова щёлкнули в голове, как тумблер.

Внезапно меня догнало осознание, что пять минут назад я тоже захотел «увидеть больше» и стал свидетелем *собственной* смерти.

Блэйк – не просто мой двойник, он – это я! Его мысли, поведение, отношение к жизни – это тоже неотъемлемая часть меня. Я что, никогда не оценивал девушек как кукол с выпуклостями? «Ух, я бы с ней!» Или никогда в плохом настроении не думал о бездомном, как о мусоре? «Поскорей бы его кто-нибудь отсюда убрал!» Оценивал и думал. Только такие мысли обычно скрыты за воспитанностью.

Большую часть времени воспитанность работает на благо, но в какой-то момент чаша здравого смысла переполняется, воспитание переливается за край и превращается в пену высокомерия. «Что, пишешь с ошибкой, неуч безграмотный?» «Что, напился, как свинья? Беспольный для общества дегенерат!» И почему сразу «как свинья»? Ведь я люблю поросят и считаю, что пора завязывать с их поеданием и начинать разводить просто как прелестных домашних животных.

Похоже, главный враг живёт не среди дварков и планетарных энергетических структур, а прячется внутри меня: это моё собственное высокомерие. Пример с Блэйком про-

демонстрировал, к чему оно может привести.

Интуиция подсказывает, что борьба с собственной заносчивостью будет долгой и кровопролитной. И, чтобы в ней победить, я нанесу свой первый удар: вместо умствований и рассуждений о том, какой я молодец, раз умею прыгать по гиперпространствам, я просто наслажусь моментом и поболтаю с двумя прекрасными девушками, с одной из которых я готов провести всю последующую жизнь, а с другой я будто бы уже провёл всю жизнь предыдущую.

Пардубицкий пряник оказался вкусным: свежим, не приторным и с яркими специями. Каждый день есть не будешь, а в качестве необычной сладости – самое то. Забавно, что, захотев наслаждаться текущим моментом, я даже вкус ощутил объёмнее.

Пряник напомнил о позавчерашней встрече, и мы стали обсуждать ребят. Разумеется, поговорили о Роберте с Матильдой, и я рассказал, что романтика между ними случилась намного раньше, чем мы думали. Вскользь вспомнили Хуана и Тома, подольше остановились на Петере и Лиэн.

Оказалось, что Карина не рассказывала Еве подробностей вчерашней поездки к Самуилу. Просто упомянула, что у него шикарный особняк за городом и мы там приятно провели время на веранде.

– А ты не рассказывала, что Самуил – непростой... человек? – аккуратно я спросил Карину, намекая на то, что он совсем не человек.

Она ответила с самой ненавязчивой интонацией, которую только могла воспроизвести:

– Я рассказала, какой огромный у него особняк. По одному этому ясно, что человек он непростой.

Я кивнул, всё понимая: даже лучшей подруге Карина не могла признаться, что теперь мы дружим с не-человеком.

– О, кстати, Ева! – вспомнил я. – У Самуила в саду были дорожки из белой матовой плитки, не пачкающейся и как будто даже немного светящейся. Карина сказала, ты можешь знать, что это за материал.

– Фотка есть? – спросила Ева.

– Нет. Но там каждая плитка была квадратной и вот такого размера.

Я показал руками ширину.

– А! Ну, тогда всё ясно! – поняла Ева. – Это известная итальянская белая не пачкающаяся матовая плитка с эффектом свечения.

– Что, серьёзно? – удивился я. – Такая есть?

Ева закатила глаза:

– Конечно, нет! Ты просишь вылечить запой по фотографии и даже фотографию не показываешь! Как я пойму, что там за материал по такому описанию?

Карина засмеялась первой, а я за ней.

– Чудной ты, Форс! – продолжила Ева. – Про гиперпрыжки объясняешь так понятно, что любой обзавидуется. Говоришь, что чувствуешь, и мы сразу ощущаем то же самое.

Но с тротуарной плиткой это не прокатывает. Я не так часто напивалась, чтобы ползать по разным тротуарным плиткам и чувствовать их телом.

– Ну вот, – огорчённо вздохнул я. – А Карина говорила, ты профессионал.

Теперь мы смеялись втроём.

– Слушай, Джай, – сказала Карина, когда мы успокоились, – а ты и правда мог бы чаще рассказывать, как перемещаешься в гиперкапсуле и что при этом чувствуешь. Ева права: у тебя здорово получается передавать состояния. Мы тут без тебя ковырялись, искали ощущения, а ты пришёл, озвучил их, и они стали намного ярче.

Я снова почувствовал вихрь, о котором говорила Карина.

– Имеешь в виду специально встречаться, чтобы делиться ощущениями от прыжков? – уточнил я.

– И вместе находить новые! – воскликнула она. – Вот как мы делали позавчера, только без банкета.

– Я бы присоединилась, – поддержала Ева. – С едой, конечно, вкуснее, но готова и без неё.

Я ненадолго задумался, а затем величественно изрёк:

– Да будет так!

Слова отозвались огненной стрелой, которая пролетела через туловище от промежности до макушки.

– Я тогда подумаю над форматом встречи, – добавил я, – и прикину, что будем делать и по какому плану. Для начала соберёмся у меня дома.

Девушки радостно согласились, и в этот момент я ярко ощутил волну наэлектризованного тепла, которая шла от Карины. Это она так мной гордится.

Следующую пару часов мы обсуждали путешествия и то, чем можно зарабатывать на жизнь. Оказалось, что Ева много где была, и Карина тоже успела побывать в нескольких странах. Я ни разу не был за границей, поэтому слушал девушек с удовольствием и скрытой досадой.

– Мои путешествия – просто счастливое стечение обстоятельств, – сказала Ева, когда я вздохнул, сокрушаясь по своей невыездной судьбе. – Папа ездил по работе и иногда брал нас мамой, вот и всё. Спроси меня, куда я дальше всего съездила за последние три года, и получишь ответ: в строительный гипермаркет за кольцевой дорогой! Я столько денег угрохала в эту квартиру, что могла бы, наверно, трижды кругосветку махнуть. Всё, что зарабатывала, сюда вкладывала.

Она окинула восторженным взглядом комнату и добавила:

– Зато у меня теперь есть место, куда хочется возвращаться.

– Или приходить в гости, – подмигнула Карина и повернулась ко мне. – Как только Ева здесь всё обустроила, мы у меня больше не собираемся. Теперь такая небесная царица не желает ночевать в лачугах простых смертных.

Ева картинно насупилась, делая вид, что обижена, но отрицать услышанное не стала.

– А я тоже раньше с родителями ездила, – продолжила Карина, – а после того, как поступила и съехала от них, больше нигде не была. Мама несколько раз звала провести с ними каникулы, папа просто предлагал денег, чтобы я куда-нибудь выбралась, но по мне это какая-то иллюзия свободы. вроде бы можно ни в чём себе не отказывать, но я же понимаю, за чей счёт это идёт. Не могу от этого расслабиться.

– А мои – домоседы, – сказал я. – Прикупить земли за городом, построить домик, насажать яблонь и груш – вот это их тема.

Я вспомнил слова отца и, состроив смешную рожицу, процитировал басом:

– «И никакие заграницы не нужны, сынок!»

Девушки захихикали.

– А сейчас они и так мне учёбу обеспечивают, – продолжил я. – У меня поэтому и в мыслях не было просить что-то ещё. Но вот после позавчерашнего захотелось съездить в гости к ребятам, так что пойду летом на работу, чтобы поднять для этого денег.

– Тебе понравится, – улыбалась Ева. – Я когда универ окончила, первое время вообще в ужасе была, что теперь всё придётся оплачивать самой. Но как-то повезло: быстро пошли заказы, и особо даже не металась никуда, делала, что нравится.

– А вот что удивительно, – обратилась ко мне Карина. – Я, когда позавчера услышала, как ты говоришь по-английски,

подумала, что ты мне многого о себе не рассказал. О жизни в США, например.

– О, точно! – подхватила Ева. – Я тоже решила, что ты наверняка жил за бугром, чтобы так говорить.

В этот момент я растаял, как мороженое на солнце, – настолько меня тронули их комплименты.

– Вы прям засмущали. Спасибо. Мне очень хотелось повидать мир, поэтому я учил английский, представляя, как буду колесить по планете и у меня будет куча друзей-иностранцев. Я даже в онлайн-игры играл только для того, чтобы было с кем поболтать на английском.

Карина вдруг раскрыла глаза, как будто на неё снизошло озарение:

– А может, тебе так легко даются гиперпрыжки, потому что ты с детства мечтал путешествовать, но никак не мог поехать?

– Эдакая сублимация? – усмехнулся я. – А что, похоже.

Слова Карины звучали шутливо, но их глубина оказалась невероятной.

В школе, когда одноклассники рассказывали, как летом ездили с родителями в Рим, Афины или Стамбул, внутри меня закипала зависть: я с родителями полел морковь, поливал огурцы и собирал смородину. От тоски спасали только видеоигры и велосипед, поэтому к концу лета мне всегда казалось, что каникулы удались: за плечами оставалась куча пройденных игр и велосипедных историй, поэтому в школе

всегда было чем похвастаться. Мальчишки охотнее слушали не Славика, который вживую ходил по Колизею, а меня, который на арене того же Колизея победил сотни виртуальных врагов. Но досада копилась.

А что если всё специально складывалось так, чтобы к сегодняшнему дню я пришёл дико жадным до путешествий и перемен? «Что, билеты неподъёмные? Да плевать! Я прыгну в другое измерение прямо из своего дома!» И ведь сработало! Даже Роберт-путешественник самостоятельно не смог прыгать с такой же лёгкостью.

Осознание оказалось таким масштабным, что не вмещалось в голову, – нужно было выпустить избыток переполнивших меня чувств. Я смотрел на Карину, жаждая её поблагодарить, но слова не могли передать мою признательность. Только что в досужем разговоре все печали прошлой жизни превратились в возможности будущей. Разве речь может выразить благодарность за такой переворот восприятия?

Из моих глаз вырвался огонь и закружился вокруг Карины. Я увидел, как её гиперкапсула засветилась ярче, призывая меня отреагировать действием. Не размышляя, я встал со стула, сделал шаг к Карине, взял её за руки и поцеловал в губы. Ей не потребовались объяснения, что на меня нашло: она просто растворилась в поцелуе, принимая мою благодарность.

В мета-мире происходило невероятное: вокруг нас заструились потоки энергии, которые в паре метров от тел превра-

щались в пламя. Пространство комнаты наполнилось тысячами маленьких чёрных вихрей, празднующих жизнь, а наши гиперкапсулы воссияли единой звездой.

– Что-то я даже дар речи потеряла от вашей внезапности, – сказала Ева, когда я сел обратно.

Она громко выдохнула и, сорвавшись с места, пошла включать чайник.

– Давайте-ка закусим этот неловкий момент пряником! – сказала она.

Не отрывая взгляда друг от друга, мы с Кариной посмеялись и согласились. Ева вернулась за стол:

– Так, ну хватит! Я ещё никогда не чувствовала себя лишней у себя же дома.

Мы, наконец, отпустили друг друга взглядами и снова вернулись к Еве.

– Мы случайно, – завернул я нижнюю губу в извиняющейся гримасе.

– Мы больше не будем, – сделала то же самое Карина.

Ева долго на нас смотрела, а потом строго сказала:

– Вы ещё уши подожмите – и точно будете, как бабушкины кролики.

После этого мы долго смеялись и забрасывали друг друга шутками.

Разошлись под вечер. Когда прощались, ещё раз вспомнили, что с меня тренировка по гиперпрыжкам. Домой я ехал с мыслями об этом и о том, как мы снова страстно целова-

лись с Кариной, пока ждали такси.

Вернувшись к себе, я написал Роберту:

«Можешь сейчас выйти на связь? Есть срочная идея по проекту».

С ним обязательно нужно пообщаться сегодня, потому что завтра утром видеоконференция. Судя по тому, что говорил Роберт, когда приезжал ко мне, он вчера вечером должен был полететь домой. С учётом разницы во времени у него сейчас середина дня, так что поговорить наверняка получится.

Пока ждал ответа, я прикидывал, что очные встречи у меня дома можно транслировать онлайн: если кто-то захочет присоединиться, я буду только рад.

Я вспомнил о двух однокурсницах, которые подходили после лекции и спрашивали о проекте. Интересно, дойдут ли они завтра до конференции? Можно было бы написать им и узнать настрой, но я не очень-то хочу возиться с новичками: нам было чем заняться и старым составом. С другой стороны, перспектива того, что Мила и Саша тоже могли бы заниматься вживую, очень прельщала: одно дело – исследовать втроём, другое – впятером.

Пока я раздумывал, писать им или нет, пришло сообщение от Роберта:

«Только сейчас увидел. Готов говорить, а ты?»

Я включил ноутбук, чтобы позвонить с него. Мог бы и с телефона, но мне нравится видеть собеседника крупно

на большом экране.

– Привет, пропавший с радаров! – радостно воскликнул Роберт.

Я ухмыльнулся и поднял руку в знак приветствия:

– Здорóво! Я не пропал, просто вчера неожиданно оказался занят.

– Да шучу я так, – отмахнулся он и тут же покровительственно кивнул. – Я всё понимаю.

Я не сообразил, на что он намекает, но вдруг на экране появилось знакомое лицо, и всё стало ясно:

– Салют, Джай! – улыбалась Матильда.

Моё лицо исказила гримаса изумления, и Роберт поспешил пояснить:

– Да, я сейчас в Париже. Собирался лететь домой, но сдал билет и купил другой.

Матильда озорно рассмеялась.

– Привет, – поздоровался я с ней, когда снова вспомнил, как разговаривать.

Значит, жизнь кипит и быстро меняется не только у меня.

– Ладно, вы тут обсуждайте свои дела, а я займусь своими, – сказала Матильда и помахала. – Пока, Джай! До завтра на конференции!

– До завтра!

Я подождал несколько секунд, пока не услышал звук закрывающейся двери, – Матильда вышла из комнаты, где сидел Роберт.

– Это как? – спросил я его.

– Ну, вот так, – пожал он плечами.

– А ты домой собираешься?

– Собираюсь. Но пока не знаю, когда. С универом всё в порядке, поэтому спешить некуда. А Франция – интересная страна, я тут раньше никогда не был.

– Ну, да, конечно: всё дело во Франции.

Роберт засмеялся.

– Ладно, ты что хотел обсудить? – спросил он.

Я перешёл на деловой тон:

– Да всё про «Намерение». Я думаю, нам надо полностью поменять формат исследований. Позавчера стало ясно, что тема с книгой устарела, – надо тренироваться в гиперпрыжках.

– Я тоже об этом думал. Разрыв между участниками сильно увеличился. У тебя есть идея, что делать?

– Те, кто был позавчера, могли бы сделать мини-группы и потренировать других, – предложил я. – Остальные бы ходили к ним, чтобы подтянуть восприятие.

Роберт ненадолго призадумался, а затем стал размышлять вслух:

– Получится так, что тот, кто смог позавчера приехать, будет важнее других. Не очень-то вдохновляет. Если есть деньги и возможность приехать, значит, ты сразу становишься впереди – как-то это неправильно, не находишь?

С этой стороны я на проблему не смотрел. Я бы и сам

не попал на встречу, если бы мне надо было куда-то лететь.

– Об этом я не подумал. Получается, мы не можем вплотную заняться исследованиями, потому что большинство участников проекта отстали, и мы не можем их подтянуть, потому что это как-то неэтично. Что в таком случае делать?

– Не знаю, – спокойно ответил Роберт. – Я ещё не придумал. Может, у тебя появится идея к завтрашнему утру?

Я почесал подбородок, демонстрируя напряжённый мыслительный процесс:

– Ладно. Тогда откладываем реформы до завтра.

Роберт усмехнулся:

– Ага, давай. Утро вечера мудренее.

– Да уж, – озадаченно ответил я. – Пока!

– Пока!

За оставшийся вечер ни одной умной мысли в голове так и не зародилось. Равно как и в холодильнике не зародилось новой еды: уже несколько дней я не пополнял запасы. Одна радость – написала Карина, и до самого сна я переписывался с ней, забыв о чувстве голода и кризисе исследовательского проекта.

Глава 28. Неожиданные заявления

Иногда видеоконференции выпадали на время лекций в университете. В такие дни я взвешивал, какими будут последствия, если пропущу пары, и я часто выбирал университет. Но только не сегодня: я по-любому должен присутствовать на конференции.

Я вспомнил, как вчера говорил Саше и Миле, что основная проблема утренних созвонов – это ранний подъём. Сейчас до меня дошло, что для ответственных студенток основной проблемой будет риск пропустить занятия. Сомневаюсь, что староста Саша предпочтёт забить на пары ради болтовни на странные темы.

Моя студенческая прилежность шла под откос, отчего внутренний бунтарь ликовал. Он не сопротивлялся новым знаниям, а протестовал против схемы, которой я слепо следовал, шагая по утрам в школу и университет: «отродился – отучился – отработал – откряхтел – отжил».

Чтобы на встрече быть во всеоружии, утро я начал с зарядки: простые физические упражнения от потягушек до отжиманий плюс энергетическая разминка. Получился интересный симбиоз: я двигал руками и ногами и наблюдал, как на это реагирует гиперкапсула.

Пока разминался, заметил тишину в мета-мире: приятная изоляция давала о себе знать. Послал за это мысленную бла-

годарность Самуилу.

Прислушиваться к себе в движении было сложнее, и после физических упражнений я сел в гостиной на диван, чтобы по-быстрому пробежаться по системам гиперкапсулы. По плану было затронуть всё, с чем я успел познакомиться за последние несколько дней. Чтобы время не сыграло злую шутку, установил на телефоне таймер на десять минут и выбрал звук попронзительнее – такой уж точно вернёт меня из самых далёких краёв.

Закрыв глаза, я первым делом направил внимание в грудь, где сиял портал в мир Чатуртха. По груди разлилось тепло – система в норме, идём дальше.

Внимание скользнуло из груди к животу – туда, где я наблюдал торнадо, когда был у Евы.

По пути я почувствовал лёгкое жжение чуть ниже солнечного сплетения – привет наместнику ещё одного портала, до которого у меня пока не дошли руки.

В животе ниже пупка я нащупал подобие прозрачного вихря. До силы, с которой он вращался вчера, было далеко, но в рамках разминки достаточно и лёгкого дуновения. Двигаюсь к следующему процессу.

В области промежности жужжало электричество – я чувствовал, что это результат гиперпутешествия по горным городам. Всё в порядке: система включена.

Вспомнив, как я был Собо́м, я заметил в середине шеи ещё одну систему энергокапсулы – она пострадала, когда га-

рант Дэриграда пытался на собрании закрыть мне рот. Я явно ощутил удушающую тяжесть, которая в тот момент охватила горло. Сейчас я догадался, что тяжесть – это результат удара по энергосистеме, чтобы Соб заткнулся. Хорошо, что мой двойник не стал мириться с нападением и ответил решительным словом, отчего модуль снова заработал. Возьму приём на вооружение, а пока наслажусь мягким энергетическим воротничком, который появился вокруг горла, когда я расслабил его вниманием.

Телефон звонит!

А, это таймер!

Закопался с ощущениями в горле, и время пролетело незаметно. Пришлось открыть глаза и быстро вспомнить, как тысячи невидимых иголочек нежно покалывают кончики пальцев рук, как гудит электричество в серединах ладоней и стоп и как бурлит энергия внутри позвоночника. От этого пятисекундного забега гиперкапсула засияла голубоватым светом.

Завершал энергоразминку на ходу по пути в кухню: прислушался к лучу, который поднимался вверх в бесконечность из низа живота. Луч не раз выручал в непонятных ситуациях, и именно им я управлял гиперкапсулой во время свободных полётов. Его природа была ещё более загадочной, чем природа гиперпорталов в теле, но я догадывался, что без луча капсула треснет по швам.

За ночь еды в холодильнике опять не прибавилось. Нашёл

на кухонных полках овсянку и сварил её: получилось невкусно, но лучше так, чем голодным. Поставив чайник, вспомнил, что у меня тоже есть пряник – Петер выручает уже второй день подряд.

Пока пил чай, написал сообщение Карине:

«Привет. Ты будешь на конференции?»

Она ответила:

«Привет. Нет, еду в универ. Расскажешь потом?»

«Конечно! Приятно поучиться!»

«Спасибо, прогульщик :-P».

Я не расстроился: Карине понравились гиперпрыжки, а не связанная с ними тусовка, и этого было достаточно. У Евы точно такой же подход, так что её тоже ждать не стоит. Миле и Саше писать не буду: я всё сказал вчера, если захотят, проявятся сами. А кто ещё под вопросом? Лиэн.

Интересно, что она предприняла после поездки к Самуилу? В ней было столько воли! Я решил ей написать:

«Привет, Лиэн! Ты сегодня придёшь на конференцию?»

Ответ получил сразу:

«Привет. Нет. Вряд ли в ближайшее время появлюсь».

Для таких новостей сообщений стало мало:

«Не против, если я позвоню?» – деликатно спросил я.

«Давай», – ответила она и поставила смайлик «:-)».

Как же удобны смайлики! Гадал сейчас, в каком она настроении, а тут одна иконка – и никакой головолмки.

Я нажал на кнопку видеозвонка.

– Привет, Джай! – заулыбалась Лиэн с экрана телефона.

– Привет-привет! – сказал я и картинно отхлебнул чаю, чтобы продемонстрировать ненавязчивость и не выдать дикий интерес.

– Можешь не делать вид, что звонишь просто так, – заметила Лиэн. – Я за полмира чувствую, как ты сгораешь от любопытства.

И когда мы успели так сдружиться, чтобы она видела меня насквозь? Я широко заулыбался:

– За полмира? Значит, ты дома? Я думал, ты приехала к нам на неделю.

– Ну, смотря что считать домом, – многозначительно ответила она.

Вопрос в моих глазах выглядел слишком громким, чтобы Лиэн его не заметила.

– Я решила не задерживаться в гостях и уже вчера вернулась в Сеул. Когда я приехала от Самуила, то несколько часов проговорила с тётёй. Не делай такого лица: говорили не о гиперпрыжках. Просто о жизни и её смысле. Сказала ей, что хочу полететь домой и всё поменять.

Каждое слово Лиэн было плотно набито волей и искренностью. По спине прокатились мурашки. Вертикальный луч, который я слушал в себе полчаса назад, зашевелился и стал шире.

– Как она отреагировала?

– Неожиданно хорошо: очень меня поддержала. И велела

не расстраиваться, когда дома меня не поймут. Сказала, что непонимание – наша семейная традиция.

Лиэн засмеялась, и её глаза заиграли завораживающими чёрными искрами.

– Когда я вернулась домой, я даже не распаковывала чемодан: забила вещами ещё один и с двумя чемоданами поехала к подруге. Сказала родителям, что на пару недель, но на самом деле возвращаться не собираюсь. Найду подработку и попробую снять квартиру или комнату в пригороде Сеула.

Уверенность Лиэн воодушевляла.

– Это же здорово! – воскликнул я.

– Уверена, что через две недели родители с тобой не согласятся, – рассмеялась она. – Но это неважно. Жизнь – то моя.

– А уже думала, какая будет подработка? – спросил я.

Удивительно, что вчера мы обсуждали похожую тему с Евой и Кариной: забавная вышла синхронизация. По скорости ответа я понял, что Лиэн уже всё продумала:

– Возьму учеников по английскому. Благодаря вам я поняла, что хорошо говорю и понимаю, так что кое-чему научить смогу.

– Отличный план! – обрадовался я. – Ты можешь попросить Роберта записать тебе рекомендации. Он со своим американским акцентом заявит, что ты классно говоришь и тебя легко понять, – все тут же побегут к тебе учиться.

Эта мысль прилетела молниеносно: я озвучил её до того, как обдумал, и сам удивился, насколько она здравая.

– Ого! – вдохновилась Лиэн. – Это и правда было бы здорово с учётом того, что у меня нет ни специального образования, ни опыта. Я ему обязательно напишу, спасибо за идею!

– Потом пришли ссылку, где он тебя хвалит, – я проверю, чтобы похвалил как следует.

Она засмеялась:

– Договорились!

Я вспомнил, почему набрал Лиэн, и перескочил на основную тему:

– А я, кстати, как раз и звоню узнать насчёт перемен. Я так понял, что общий исследовательский проект тебе больше неинтересен, да?

Лиэн не хотела меня расстраивать, поэтому ответила аккуратно:

– После завтрака у Самуила я по-другому посмотрела на всё, что мы делали на онлайн-встречах, и они просто потеряли смысл.

– У меня такие же ощущения, – признался я. – Я сегодня собираюсь заявить о реформе проекта, правда, пока ещё не знаю, какой. Так что я даже не буду зазывать тебя обратно.

Лиэн приятно удивилась:

– Спасибо.

– Подожди, не спеши благодарить, – усмехнулся я. – Я всё-таки предложу кое-что вместо общих встреч.

Лиэн заинтересовалась:

– Ну давай. Что ещё ты придумал?

– Это не я придумал, а Карина. Она предложила встретиться группой и тренироваться в гиперпрыжках. Без теорий: погружаемся в мета-мир и летим куда глаза глядят. Вести встречи буду я. Собираться тоже будем у меня, но включить онлайн-трансляцию проблемы нет, если кто-то захочет присоединиться удалённо.

Лиэн всерьёз задумалась. Она жестом показала, что ей нужно немного времени, и я не торопил. Моё внимание сместилось в мета-мир, и я заметил, что Лиэн не рассуждает, а пытается энергетически пощупать процесс, который я предложил. От её гиперкапсулы шли волны, долетали до меня и возвращались обратно, а Лиэн их анализировала. Её ответ я знал до того, как она заговорила:

– Идея замечательная, – замялась она. – Надеюсь, что у тебя всё получится. Но себя я не вижу в этом процессе. Я понимаю, что мне тоже нужно тренироваться, но чувствую, что ваши встречи не для меня. Не знаю, как это объяснить.

– Не объясняй, – попросил я. – Я слышу, что ты имеешь в виду. Я заметил, что мы сейчас вещаем на разных частотах: ощущения совсем не те, когда мы вдвоём прыгали в другое измерение.

Лиэн расслабилась, убедившись, что я правильно её понял.

– Только мне не хочется терять с тобой связь, – сказала

она, и я услышал в её словах трогательную детскость.

– А мне с тобой, – ответил я, и та же детскость отразилась в моей интонации. – Будем созваниваться?

Я усмехнулся, но получилось грустно. Казалось, я прощался с Лиэн, а мне очень не хотелось этого делать.

– И переписываться, – ответила она, тоже понимая, что наша спонтанно возникшая дружба рассыпается на глазах.

– Если вдруг почувствуешь тягу к совместным гиперпрыжкам, я буду рад снова отправиться с тобой в путешествие.

– Обязательно. А к кому мне ещё пойти?

Она засмеялась, и я тоже, но к горлу подкатила грусть. Я хотел поблагодарить Лиэн за что-нибудь: то ли за то, что она прилетала в гости, то ли за её решительность, то ли за то, что она есть. Все варианты звучали в моей голове слишком трагично.

– Ладно, Лиэн, – сказал я. – Пойду готовиться к конференции. Спишемся!

– Давай. Удачи тебе, Джай!

И мы завершили звонок.

Даже расставания с некоторыми девушками я воспринимал намного легче, чем это прощание с Лиэн, хотя по-настоящему мы познакомились только три дня назад.

К счастью, на рефлексию времени не было: до видеоконференции оставалось двадцать минут. Я включил ноутбук, проверил входящие письма. На всякий случай протестирую

вал микрофон, хотя понимал, что с ним всё в порядке, – сказывалось волнение.

В виртуальную комнату я зашёл за пять минут до начала: там уже было человек пятнадцать из тех, кто любит приходить заранее, и постепенно загорались новые имена в списке участников. К моему удивлению, я увидел там Милу и Сашу. Похоже, я недооценил их интерес.

Роберт и Матильда зашли с разных аккаунтов, хоть я был почти уверен, что они сидят в одной комнате. Значит, отношения они не афишируют.

Хуан, Том, Петер тоже появились.

Минута до старта, а онлайн уже пятьдесят человек – это рекорд! Может, ещё кто-то подтянется. Наверно, все ждут рассказа о том, как мы встречались в субботу.

Тридцать секунд. Я вспомнил Лиэн и серьёзные перемены, которые она успела воплотить в жизнь за пару дней. Я могу считать, что кардинально меняю своё восприятие, но если повседневная жизнь течёт по-старому, любые внутренние изменения – пустой звук.

Десять секунд. Понятия не имею, что скажу. Ладно, ориентируюсь по ситуации. Без перемен не уйду.

– Всем привет! – раздался бодрый голос Роберта, и конференция стартовала.

Роберт начал с того, что поприветствовал новичков. Помимо Милы и Саши, я заметил четыре новых имени. Впрочем, незнакомцы могли быть в проекте давно, а я их не ви-

дел, потому что они просто не участвовали в онлайн-собраниях.

Чтобы развлечь публику, Роберт признался, что сейчас находится в Европе, не уточняя, где именно. Он поблагодарил всех участников проекта за моральную поддержку нашей субботней очной ставки и ещё раз извинился из-за такой внезапности. Если бы мы объявили о встрече за месяц или два, нас бы точно собралось намного больше.

Он подробно описал совместный эксперимент: как мы сидели, как входили в процесс и с какими необычными ощущениями сталкивались. Где-то на этом этапе я заподозрил неладное: в словах Роберта была истинная правда, но в этой правде не было *истины*.

Получалась странная штука: Роберт рассказывал, как всё было, но не объяснял ребятам, как прикоснуться к тем же состояниям, которые мы переживали. А ребята не могли уловить и испытать на себе эти состояния, потому что им нечем их воспринять. Выходило, что Роберт пытается передать, как здорово летать в небе на самолёте и закладывать виражи, но не объясняет, что такое самолёт.

Я захотел перебить Роберта, но мы ещё несколько месяцев назад прописали регламент, в котором договорились не прерывать докладчика. Если бы я влез в рассказ и начал вещать что-то своё, другие бы меня не приняли.

Как только я обозлился на дурацкое правило, то вдруг осознал, что наше исследовательское сообщество погрязло

в формализме: тут дождись очереди, там пройди по ссылке, оттуда скачай инструкции. Внешняя форма стала важнее содержания. Нет, это уже не «Намерение», это «Иллюзия намерения».

Неожиданно для себя я увидел, как выглядит наш исследовательский кружок в мета-мире: маленькая медуза, внутри которой вращаются романтические фантазии студентов о неизвестности. И в каждой этой фантазии пульсировало человеческое сознание, часть которого безвозвратно забирала энергетическая структура проекта.

Я переключил внимание на экран и в ужасе уставился на Роберта. Понимает ли он, что, ратуя за свободу, создаёт структуру, которая эту свободу забирает себе?

– Что скажешь, Джай? – ворвались в уши его слова.

– А? – удивился я.

– Какие у тебя впечатления о встрече? – повторил Роберт.

– А! – пришёл я в себя и улыбнулся. – Да, было здорово.

Спасибо, Роберт, без тебя ничего бы не вышло. Какие впечатления?

Прежде чем продолжить, я всмотрелся в лица тех ребят, чьи камеры были включены. Да, я за тысячи километров от них, но они смотрят на меня теми же глазами, как если бы сидели рядом. Почему я должен им врать?

– Слушайте, такое дело, – продолжил я, и улыбка слетела с моего лица. – Всё это, конечно, замечательно, но мы не можем вам объяснить, что *на самом деле* происходило во время

встречи. Не потому что скрываем, а потому что вы не можете понять. Это не оскорбление, это факт. Эксперимент, который мы провели, – как полёт в космос. Только мы остались на орбите, а вы ещё даже не сели на ракету. В наших телах есть порталы, через которые мы попадаем в другие миры. Вы можете себе это представить? Мы научились выходить в иные измерения и назвали их гиперпространствами. И мы занимались этим на встрече, до встречи и после. Знаете, почему мы об этом не говорим? Потому что почти каждый из вас решит, что это бред или приукрашивание. А я не приукрашиваю. В параллельных мирах я видел собственную смерть, участвовал в невероятных событиях, наблюдал невозможные явления! Чтобы передать всю серьёзность происходящего, не хватит никаких слов. А что мы сейчас пытаемся сделать? Мы хотим упорядочить то, что упорядочить нельзя. Гиперпортал в другой мир! Какие регулярные встречи в семь утра по Гринвичу? О чём мы вообще говорим? Сейчас нужно непрерывно тренироваться в гиперпрыжках, задвинув всё остальное, потому что реальность совсем не такая, какую мы себе представляем!

Я хотел закончить свою речь, как вдруг луч, шедший снизу живота, превратился в острый сверкающий обелиск и вытолкнул из меня ещё несколько предложений:

– Я выхожу из проекта. Больше никаких регламентов! В эту субботу я собираю у себя дома всех, кто хочет тренировать гиперпрыжки. Если кто-то пожелает присоединить-

ся удалённо, напишите мне: я включу трансляцию. Записи не будет, только в прямом эфире. Тянуть проект ради проекта я больше не вижу смысла, простите.

После этого я сразу отключился от видеоконференции, закрыл крышку ноутбука и мгновенно ощутил себя на тонну легче.

Минуту я просидел неподвижно, прокручивая в голове произнесённую речь. Когда её говорил, я не особо думал – только подставлял слова под наплывающие чувства. Очень кстати оказалось, что я вышел в эфир из спальни: со стула я перелёг на кровать, чтобы тело перестало бороться с гравитацией. Так я ещё ярче ощутил пришедшую лёгкость. Внимание переключилось на мета-мир, и я заметил возмущения, летящие в меня от участников проекта. Я представил, как это выглядит: мой космический корабль стартует с планеты, а туземцы, недовольные моим побегом, кидают мне вслед копьё. Я расхохотался.

По телу пробежал озноб – я неожиданно замёрз. Чтобы согреться, я завернулся в плед, который стелил на постель в качестве покрывала. Странно, почему так трясёт: за утро не заметил, что дома холодно.

Пока грелся, гадал, позвонит ли мне Роберт после конференции или просто напишет сообщение. Интересно, как он отреагировал? Он прилетел ко мне из США, открыл всё, что знал сам, а через несколько дней я выдаю, что выхожу из проекта. Как по-английски называют таких людей? В сло-

варе литературной речи этого выражения точно нет.

Пришло сообщение на телефон – Петер:

«Ну, ты зажёл! Во сколько в субботу будет встреча? Я бы присоединился по трансляции».

От сообщения веяло мужской поддержкой. Порталы в области промежности, в животе и за солнечным сплетением разгорелись, и я согрелся. Я ответил:

«Рад слышать. Пока не знаю точное время, завтра станет понятно. Решение вышло внезапным».

«Про внезапность я понял, судя по лицу Роберта. Не знаю, что там у вас произошло, но я с тобой, бро. Напиши, когда поймёшь время, – я запланирую себе».

«Конечно! Договорились».

Я не стал спрашивать, как отреагировал Роберт, хотя мне стало жутко любопытно. Может, мне самому написать и что-то объяснить? Тогда будет выглядеть, что я оправдываюсь, а я не собираюсь испытывать вину за то, что выразил свои чувства.

Пришло ещё одно сообщение:

«Привет, это Мила. Немного не поняла, что произошло на конференции. Можешь говорить?»

Я уже и забыл, что приглашал новичков. Да, не самое удачное знакомство с проектом, но зато самое динамичное.

Я встал с кровати, вернулся за ноутбук и позвонил Миле. В её улыбке я прочитал удивление и восхищение.

– У вас всегда встречи такие же горячие, как заседания

римского сената? – спросила она.

– Нет, ты попала на самую интересную, – усмехнулся я. – Что, там сильно обсуждали мои слова?

Мила покачала головой:

– Не знаю, сильно или нет: не с чем сравнить. Но в чат посыпались вопросы вроде «Что это было?» И мне самой интересен ответ.

Её неподдельное любопытство трогало, и я говорил открыто, забыв, что мы с ней общались впервые:

– Это спонтанное решение, – пояснил я. – Я хотел что-то поменять в проекте и увидел, что лучшим вариантом будет уйти. Потому что проект начал вариться в собственном соку.

Я заметил непонимание в её глазах и упростил сказанное:

– Мы много времени начали уделять теории вместо того, чтобы заниматься практикой. Ты что-нибудь читала о том, чем мы занимаемся?

– Изучаете книгу? – попробовала угадать Мила. – Из сегодняшнего разговора я поняла, что вы нашли какие-то порталы. По правде говоря, звучало это... странновато.

Она покрутила рукой возле виска. Я засмеялся.

– Да, прости, я бросил тебя с Сашей прямо на середину озера, ничего не объяснив. Подумал, если вы выплывете, нам будет о чём поговорить, а если сочтёте нас шизиками, то и объяснять ничего не придётся.

– Удобно, – захихикала она.

– Я вчера даже забыл, что сегодняшняя конференция вы-

падает на пары. Вы с Сашей специально пропустили занятия?

– Я да, Саша – нет. В перерыве между лекциями она написала, что сидит с наушником и делает вид умной студентки, а сама слушает вас.

Польстило, что самая ответственная староста курса готова на такие жертвы ради нашего сабантуя.

– Как она отреагировала на услышанное?

– Пока не знаю. Я сразу тебе написала, когда закончилась конференция.

Значит, Петер не ждал окончания, чтобы выразить свою поддержку. Приятно.

– Я прошла твоё испытание? – продолжала Мила. – Теперь объяснишь, о каких гиперпрыжках вообще идёт речь? А то я пока не определилась, насколько вы поехавшие.

Я слышал, как её слова лучились принятием. Ей было интересно, поэтому она стремилась разобраться, а не отвергнуть.

– Может, я лучше покажу тебе прямо сейчас?

Щёки Милы покраснели.

– В смысле? Что ты хочешь мне показать?

Я не понял, что её смутило:

– Гиперпрыжки, – пояснил я. – Можно долго их описывать, но лучше всего попробовать. Не факт, что сразу получится, но мало ли.

– А! – она невинно улыбнулась. – Да, конечно, мне очень

интересно!

Вот и пришло время проверить, действительно ли я хорошо могу передавать настройки на процессы в мета-мире.

– Отлично! – обрадовался я. – Тогда давай попробуем. Закрой глаза, это не займёт много времени.

Мила захихикала, но глаза закрыла:

– Ладно. Я готова.

Она отнеслась к процессу, как к игре, и я был не против: исследовать играючи намного интереснее, чем пытаясь и мучаясь.

– Задача простая, – объяснял я. – Я буду говорить, куда в теле направлять внимание, и мы будем наблюдать за физическими ощущениями в тех местах.

– Понятно.

– Начнём с простого: направим внимание на кончики пальцев рук. Чувствуешь покалывания?

Миле потребовалось время для ответа:

– Что-то есть.

От её слов ощущения на кончиках пальцев стали раз в десять ярче. Зажужжали середины ладоней, как будто из них потекли бурные энергетические ручьи. Я последовал за проявившимися изменениями и сказал:

– Почувствуй, есть ли у тебя похожие ощущения в серединах ладоней.

В этот раз она ответила без колебаний:

– Да! Это так странно! Никогда раньше не замечала.

В голосе Милы слышалось воодушевление. Её гиперкапсула в мета-мире приблизилась ко мне. Любопытно, почему ощущения так обострились? Как будто Мила много месяцев выполняла физические упражнения, через которые я дошёл до гиперпрыжков.

– Ты занимаешься каким-то спортом? – спросил я наугад.

Голос Милы передал удивление:

– Нет, только танцами и йогой. Почему ты спросил?

Любопытно. Значит, она много двигается, и это влияет на течение энергии по телесным проводам.

– С тобой очень ярко чувствуются процессы, которые мы сейчас наблюдаем, – ответил я.

– Ты что, чувствуешь то же, что и я? – вдруг испугалась она.

Я тоже встрепенулся: чего это она напряглась?

– Только то, что мы сейчас исследуем. По сути мы сейчас соединяемся сознанием и двигаемся вместе.

Такой ответ её устроил.

– А, ну ладно. Я не против соединиться и подвигаться вместе. Почти что парные танцы.

Забавное сравнение.

– Точно, – усмехнулся я. – Вальсируем дальше: переместим внимание внутрь груди, примерно посередине между солнечным сплетением и шейей. Внизу шеи между ключицами есть углубление – ярёмная ямка. Опускай внимание ниже неё, погружай в грудную клетку и слушай, какие ощущения

растекаются по груди.

– Что-то у меня ничего не растекается, – через минуту произнесла Мила. – Никаких ощущений нет.

От её фразы «ничего не растекается» у меня в груди стало теплее. Это значило, что Мила нашла портал и говорит о нём, но не осознаёт этого.

– Ощущения появляются не сразу, – прокомментировал я. – К ним приходится привыкать. Почти целый месяц я каждый день делал специальные упражнения, чтобы хоть что-то почувствовать. Я слышу, как ты быстро улавливаешь состояния, так что тут дело времени.

Без ощущений осознанно в портал не впрыгнуть, так что надо двигаться дальше. Очень хотелось показать что-то явное, что в Миле наверняка отзовется и хоть на секунду забросит нас в иное пространство. Я прислушался к своей энергетической структуре и решил, что ярче всего сейчас отзывается гиперпортал на уровне промежности. Вот туда и поведу. Только сначала верну Миле веру в свою чувствительность.

– Давай опять найдём кончики пальцев рук, – предложил я.

– Там снова всё зажужжало, – отреагировала она.

Мы наблюдали за этим процессом ещё минуту, затем я произнёс:

– А теперь послушаем область промежности – там, где заканчивается туловище.

– Ого! – удивилась Мила. – Сразу так!

Что-то я не подумал, как это выглядит со стороны: мы первый раз разговариваем дольше трёх минут, и я сразу предлагаю послушать промежность. Я рассмеялся:

– Там тоже есть портал, – объяснил я.

Прозвучало только хуже. Мила захохотала:

– Боюсь спросить, куда, – проговорила она сквозь смех. –

Ну, я-то не против, ты не подумай.

Я отчётливо увидел изменения в мета-мире: гиперкапсула Милы сняла защитный барьер и поманила к себе. Чёрный вихрь вырвался из середины её энергетической структуры и закрутился вокруг моего луча, шедшего от промежности до макушки. Я отогнал подозрения и ответил развёрнуто. Вышло не смешно и резко, зато по существу:

– Во время экспериментов мы заметили, что в теле много где проявлено разных энергий. Не всегда они связаны с органами, если ты об этом. Сейчас мы наблюдаем область промежности не в каком-то конкретном месте, а объёмно: немного в туловище, немного в бёдрах, немного между ног. Тут важнее искать тепло или движение, чем думать о том, какие рядом органы.

– А, поняла, – сказала Мила, и от её голоса повеяло холодом.

Мета-мир снова отреагировал: гиперкапсула Милы потускнела, а я ощутил болезненную сдавленность в горле.

– Подожди, давай откроем глаза, – предложил я.

Мила послушалась. По её взгляду я понял, что обидел её.

– Прости, мне только что показалось, что я чем-то сильно тебя расстроил, – сказал я.

На её лице отразился едва уловимый испуг, но она быстро с ним совладала и секунд десять внимательно всматривалась мне в глаза.

– Непривычно говорить с человеком, который понимает, что я почувствовала, раньше меня самой, – заметила она.

– Значит, мне не показалось? – уточнил я.

– Не показалось.

В ней шла внутренняя борьба, которая потянула к себе моё сознание. Похоже на гиперпрыжок, только с сохранением восприятия обычного мира. Я увидел круг, в котором стояла Мила. Со всех сторон к ней стягивались тысячи кровавых монстров с дубинами наперевес.

– Слушай, можно я буду говорить начистоту? – она сменила тон с неуверенного на властный, и в параллельном мире в её руках сверкнули изогнутые клинки.

Монстры замешкались, остановившись в трёх метрах от неё. Я смотрел на события с большой высоты и поражаюсь, как много у Милы врагов. Они толпились, словно зрители на рок-фестивале, и выжидали лучшего момента для нападения.

– Да, конечно, – ответил я серьёзно.

Снова молчаливые взгляды друг на друга, теперь секунд двадцать. Затем она поджала губы, решаясь на что-то очень

непростое, и произнесла:

– Я тебя хочу.

В тот же миг тысячи врагов бросились на Милу, и отчаянными выпадами она принялась рубить монстров одного за другим.

Пару секунд я думал, что будет продолжение фразы: «хочу спросить» или «хочу попросить», – но слов больше не последовало. И тут я понял, что за битва разгорается на моих глазах: кровожадные убийцы – это стереотипы поведения, против которых Мила выступила в одиночку.

Я представил, насколько трудно ей было в таком признаться. Стало ясно, что наша тренировка перед гиперпрыжком раздула в Миле огонь, который сжёг мосты общепринятого приличия. Но какое мне дело до общепринятых норм? По мне, настоящее приличие – это открыто говорить то, что чувствуешь.

Теперь два и два легко сложились в моей голове: я нравился Миле, и её интерес к гиперпрыжкам сильно подогревался сексуальным желанием.

– Давай встретимся? – продолжила она. – Хочешь, приезжай ко мне или я приеду к тебе.

Я чётко понимал: одно моё неловкое движение или дёрнувшийся уголок губ – и полчища уродцев сметут Милу, растоптав её искренность. Но ответить я всё ещё не мог.

– Я понимаю, что это всё жутко неправильно, – сказала она, и кольцо врагов вокруг неё сомкнулось. – Но я сейчас

смотрела на себя изнутри и увидела, насколько убого хождение вокруг до около. Где-то неделю назад я вдруг поняла, как сильно меня к тебе влечёт. Ты всегда был симпатичным, но ничего такого раньше я не испытывала.

Груды поверженных врагов мешали ей сражаться. Монстры остервенело напирали, и она перестала справляться:

– Не знаю, зачем я это всё говорю, – теряла она решительность. – Извини...

Я не мог позволить стереотипам сожрать Милу и камнем бросился с высоты вниз, чтобы встать с ней спина к спине и продолжить битву. Как только я оказался рядом, то ощутил в кулаках две отточенные сабли. Держись!

– Подожди! – сказал я. – Это очень важно. Искренность – вообще самое главное *во всём*.

Мила почувствовала меня за спиной, и в ней снова зажглась вера в собственные силы. Бой против стереотипов закипел с новой яростью, враги дрогнули, и кольцо вокруг нас опять раздвинулось.

Настало время предельной честности:

– Ты знаешь Карину с нашего потока из группы маркетинга? – спросил я.

– Да, – ответила она.

– Я сейчас хочу только её. Мы с ней встречаемся.

На лице Милы я увидел разочарование, но огонь в её глазах не погас, и её разящие удары не замедлились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.